

25-го апреля 1928 г.
ПРАГА

КАЗАЧЕСТВО
КОЗАЦТВО

10'

10

ВІЛЬНЕ
ВОЛЬНОЕ

25-го квітня 1928 р.
ПРАНА

О Г Л А В Л Е Н И Е.

1. *Ф. Полк.*: Марш (Стихи).
2. *Константин Поляков*: * * * (Стихи.)
3. *Борис Кундрюцков*. Два мира.
4. *Юрий Гончаров*: * * * Стихи.
5. *Павел Поляков*: * * * Стихи.
6. *Ахмед Цальккаты*: Мудрость седого Кавказа.
7. *С. Савицкий*: Повстанческа пісня.
8. *П. Атаманцев*: Тихий Дон. (Стихи).
9. *О. Олесь*: * * * Стихи.
10. *Я. Рудик*: Стихи.
11. *М. Н-ов*: Стихи.
12. *Вынужденная полемика*.
13. *Ис. Быкадоров*: Пособники Советской власти.
14. *О. Долинский*: Сепаратизм, федерализм и самоопределение народов.
15. *Д-р С. Федоров*: Образование народа и казачество.
16. *П. Дидошин*: Донское казачество в конце 19 и начале 20 столетия.
17. *Вл. Куртин*: Казачка.
18. *Шамба Балинов*: Положение калмычки в семье и обществе в прошлом и ее судьба в последующее десятилетие. (Окончание).
19. Международная жизнь.
20. К ликвидации вопроса об „исторических документах“.
21. *Думы и мысли казачьи*.
22. Казачья эмиграция.
23. На Украине.
24. В Казачьих Землях.

Почтовый ящик

журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“.

Всем станицам, хуторам, группам и отдельным казакам поздравившим Вольное Казачество — Вільне Козацтво с Светлым праздником Св. Пасхи — наше
ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ!

Мы глубоко верим, что придет время, когда мы будем поздравлять друг друга с освобождением наших дорогих Краев и с Воскресением Казачества.

Болгария. — В. — Тырновско. — Б. — „Пошли, Господи, увидеть нам воскресение Казачества — Вольного и Великого“!.. — Если сами не будем работать на воскресение Казачества Вольного и Великого, то и вообще нам Казачества никакого не видеть!

Болгария. — Станичному Атаману I Кубанской казачьей станицы Ив. Губа. — Получили Вашу почто-телеграмму:

„Г-ну Председателю Союза Кубанцев в Ч.С.Р., Редактору журнала „Вольное Казачество“, другим казачьим организациям и Украинцам, находящимся в Чехословацкой Республике.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Дорогие и родные нам братья.

I-я Кубанская казачья станица в Болгарии шлет Вам свои искренне-душевные поздравления с Святым Праздником Христова Воскресения и Святой Пасхи. Дай Боже, чтобы этот светлый праздник был последним на чужбине. Желаем Вам здоровья и сил, поскорее дождаться счастливого часа нашего возвращения на родину в наши „рідні куріні“. Будем верить, что следующий этот Великий Христианский праздник все мы встретим и проведем в родных нам Краях: Тихого Дона, Вольной Кубани, Бурливого Терека и Великой Незалежной Украины“.

— Воистину Воскресе, Вам, Атаман, и всем станичникам! Дай Бог, чтобы все казачество в Болгарии

также захотело воскресения всего Казачества, как и Вы. Дай Бог, следующий праздник Воскресения Христова провести в Родных Краях!

Бразилія. — Жаноада. — С. С. — Донці та Кубанці бажають Вам щастя. Краше і інформуйте Південну Америку о Вільно-Козацькому рухові

Далмація. — В. К. — „Рассказ К.“ получен. На предлагаемые Вами переводы согласны. Пришлите потом напечатанное нам. Просьба писать разборчивее. Посылаем письмо. Привет!

Литва. — Б. — Согласны с Вами снова и снова, „что если бы казаки да раньше подумали о том, что они казаки, а не русские, то всюду у народов также жажущих воли как и мы, мы встретили бы горячее сочувствие“. — А потому да здравствует Вольное Казачество.

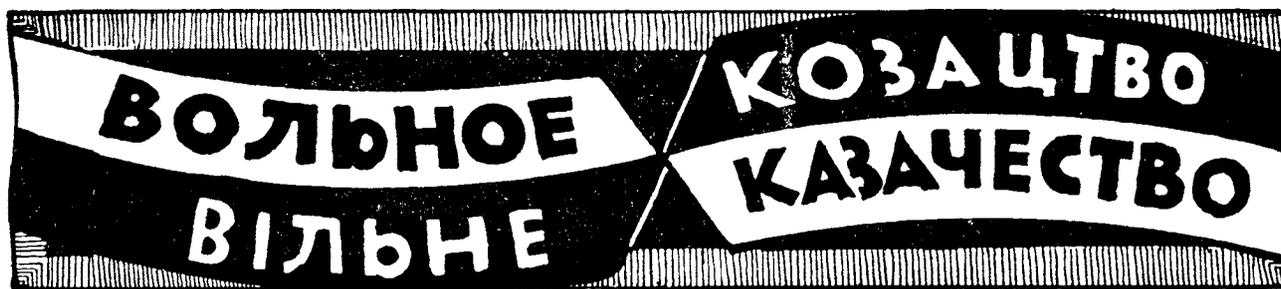
Польша. — Хотыниче. — В. — Все получите в начале мая. Вольное Казачество Вам шлет свой сердечный привет.

Польша. Малковиче — И. К. — Ждем ответа.

Румыния. — Галати. — Б. — Очень рады, что и до Вас докатилась волна Вольного Казачества.

Франция. — Париж. — Н. П. — Вольное Казачество, зная все трудности своего пути, Вам, как одному из первых проповедников его идей, на Ваше сердечное пожелание, шлет свое искреннее — Воистину Воскресе!

Югославия. — Загреб. — Ф. — Послано: В ближайшее время потолкуем „по душам“.

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Выходит 10-го и 25-го числа каждого месяца.

Под редакцией И. А. Билого и М. Ф. Фролова.

Год издания второй.

Редакция и контора: Praha-Žižkov, Jagellonská 24, Tchecoslovaquie.

Почтовый текущий счет в Чехословакии 303.997.

№ 10.

Прага, среда 25-го апреля 1928 г.

№ 10.

Ф. Полк.
(Югославия).

МАРШ.

Эй, трубите, трубите трубы —
На врагов пойдем войной.
Будем смелы, дерзки, грубы, —
Будет наш последний бой!..

Чья возьмет — еще посмотрим...
Слушай, слушай, справа по-три,
И держи на Север шаг...
Стремя в стремя... Строй за строем...
Эй, кремлевский враг!
Выходи-ка! В смертном бое
Подсчитаем мы с тобою
Вековой разлад!..
.

Эй, трубите, трубите трубы —
На врагов пойдем войной.
Будем смелы дерзки, грубы, —
Будет наш последний бой!..

Константин Поляков.
(Брно).

* * *

Разнуздались мысли, разлетелись
В буйном вихре огневых страстей —
Мы умом и сердцем в даль былую в'елись
И сожгли любовью грань постылых дней...

На широких шляхах пыль давно слежалась,
Расковались кони, грустно ржанье их...
На волнах свинцовых корабли качались, —
Казачков укראה даль морей чужих.

Полонила доля долгого изгнания,
Иссушила в шахтах угольных нужда, —
Но они привыкли к плачу и рыданиям
Тех, кто их не видел долгие года.

Доля всех казачек — пред иконой никнуть,
А казак с винтовкой вьется на коне
И в краю далеком обновляет пику,
Закаляет шашку в дымовом огне.

Матерям далеким, сестрам одиноким,
Жизнь в тоске проведенным да в святом углу,
Песнь пою я эту, голосом глубоким,
Голосом от сердца я пронзаю мглу.

Борис Кундрюцков.
(Югославия).

Два мира.

Две души, как два мира, стали друг перед другом.
Две души — столь разные, столь чуждые друг другу,
что казак Митякинской станицы, Тарасов Василий Сте-
панович, деньщик, не знал на какую сторону склонить-
ся, какой души послушаться...

Две души эти были — сотник и сотничиха.
И вот — если к своему казачьему офицеру Васи-
лий чувствовал доверие и привязанность, то стройная
сотничиха, с копной светлых кудряшек цвета золотистой
соломы „гирьки“, внушала своей непонятностью и хруп-

костью сложное чувство робости и мучительного лю-
бопытства.

Василий знал, что сотник брал отпуск, уезжал в
Петербург, где эта краля жила (были они знакомы,
видно, раньше), женился там и привез ее в полк не за-
ехав даже к отцу на Дон; что отец-старик сыну домой
являться заказал, и только мать втихомолку еще и по
сю пору плачет да убивается из-за ссоры; знал Васи-
лий, что она не-казачка и ко всем прочим чувствам
присоединилась какая то настороженность.

В первый же вечер, когда к Бирюкову собрались офицеры и пришел станичник - вахмистр, зашедший по службе, она встала и ушла в спальню. В спальне, из темной комнаты — проходной, в полуоткрытую дверь, Василий видел ее, сидящую под лампадкой на кровати, с опущенной головой. И, когда в это же короткое мгновение из столовой донеслась заунывная песня, ему послышался долетевший хруст тонких, занятно сплетенных пальцев.

— Во-о, — подумал Василий.

Что то было в этих протянутых на коленях руках, что-то такое, что сжалось сердце и легкой жалостью и легким возмущением...

Удивился Тарасов и... застрял, как неуклюжий метеор в проходной комнате.

Пошли в доме удивительнейшие вещи! Барыня казачьих песен слышать не могла, так же как-то, само собой, разбежались и гости, а в комнатах так запахло духами, что Василий, убирая, старался не дышать и, когда выбирался на кухню, голова кружилась и прыгали белые двери спальни, в щели которых проползал этот колдовской аромат.

Давно уже вестовой, сбивая с сапог снег, проговорил свое — будить его благородие, давно они ушли верхом со двора, а барыня все нежилась в широкой теплой кровати. В спальне прибирала полька, она же и готовила, с ней же чаще всего и охотней беседовала барыня.

Звали барыню — Александра Леонтьевна. Целый день с книгой у окна, она иногда так смотрела на Тарасова своими голубыми большущими глазами, что он уменьшался до размеров зеленого цветка на обоях и сливался с незамысловатым повторяющимся узором...

— И где они, такие девки, родятся... думал казак, и барыня затейливой игрушкой казалась степняку, до того она была бесчувственна и удивительна.

И говорила она всегда ровно, и руками не размахивала, чай акуратно так наливала в китайские чашки и на чайник... вязаного петуха одела. Ну, чёрти-что!

Везде было все так уж черезчур зализано и порядочно. Васька к вещам даже боялся приторкнуться. Все, к чему прикасались тонкие с розовыми концами пальцы, как будто заколдованным становилось и томило душу что-то чужое, страшно так точно рассчитанное и поверхностное. Душа улетела из комнат; из столовой, из проходной и из передней, где висело ее пальто на шелковой подкладке с широким, черного меха, воротником... и вся то эта квартирная душа, сжавшись, уюстилась, вобралась в спальню и было там — душно, слишком тепло, слишком тесно и пряно.

В чулане спал Тарасов, а в сарае у коней вестовой. Тарасов рубил дрова, таскал их в кухню, толкался в той же кухне после уборки. Нетрудная была работа. Хозяйственный глаз зорко следил и за хозяевами, чтоб овес и сено из конюшни не тянули, и застряпшой. Скоро выходил Василию срок, близки уже были родные, жена и сынишка. От них письма приходят со многими поклонами, со многими новостями, со многими пожеланиями. Иногда, неожиданно, к смутной радости Тарасовской глянет с белого листка чернильная пятерня сына с линиями детской ладони, и, подобно гадателю-хироманту, долго вглядывается в них отец, желая разгадать будущее дитяти...

— Растет пострел, шустрый поди...

Свернет бережно письмо, сунет в конверт — конверт с семикопеечной синей маркой уляжется наверху таких-же в деревянном сундучке. Были у него и книжки кой-какие, но они были по три раза прочитаны и достаточно затасканы. От скуки ли Прусской границы, от тоски ли за родней в далекой станице, Василий близко принимал жизнь сотника и его высокая, широченная фигура со смешной поспешностью качалась из стороны в сторону, когда он с отеческой заботливостью стягивал с офицера шинель и встряхивал снежный башлык. Сотник Бирюков, тоже крупный и молчаливый, хлопал его по плечу:

— Ну и холодина-же, Васька. Почты не было?

— Никак нет, — отворачиваясь, грустно гудел ба-

сом Тарасов и ретировался, так как барыня, показавшись в дверях, стояла молча смотря на него, и только за его спиной он слышал, как она начинала говорить или, редко, целовала сотника.

Однажды, когда, убрав комнату, Василий вышел на крыльцо, во двор в'ехал вестовой с расстроенным лицом.

— Ты чего? — спросил деньщик.

— Какая оказия, Степаныч, кой-то в Бирюковском взводе у Хварапонова шаравары новые скрал.

— Бедняга, — пожалел Тарасов и почесал затылок. Представился Фарапонов, небогатый казачек...

— Как же так? Не может этого быть!..

— То-то и оно... Его благородие приказали тебе его шаравары из сундука достать. Отвезу я.

Василий молча повернулся и пошел в комнаты. Шел и думал — барыне надо сказать.

Александра Леонтьевна выслушала его, и безразличное лицо ее в первый раз чуть ожило на его, Тарасово, горе.

— Скажи вестовому, что „барыня не дали“. Что такое? У них крадут...

„У них“, отозвалось где-то.

... Пьянствуют... у солдата, простите за выражение, штаны украли!..

„У солдата“, опять кто то подчеркнул.

... А тут он свои отдаст. Чуть какая. Найти виновного, наказать надо, а не потакать...

Говорила не повышая голоса, и только чуть-чуть поднялись брови да порозовело лицо...

— Нет виновного?! да свой ктонибудь и взял...

Только сказала, и то, что запало в память, напомнилось еще раз — „у них“, „у солдата“, „свой взял“...

Насупился Василий, в первый раз за три месяца возразил:

— Казак у казака не возьмет... разве стрекулист какой... — сказал не глядя и пошел из комнат к себе, в чулан...

Достал акуратно сложенные шаровары с широким алым лампасом, завернул в кусок бумаги, разглаженной толстыми пальцами, и, выйдя, отдал вестовому:

— Вези!

Во время-ж обеда, когда снял с сотника шинель задержался...

Сотник молчал и избегал на него смотреть, потом поднял вдруг руку ко лбу, привычный бессознательный жест, потер его и усмехнулся:

— Чьи шаравары прислал?

— Свои...

— Я же мои приказывал...

Тарасов открыл рот и как рыба остался — в двери выплыла стройная фигурка и шапка золотых волос... Обернулся Бирюков... дрогнуло лицо...

И вот тут-то, Василий Тарасов, застрявший между двух душ, как между двух разных миров, стремительно полетел в сторону наибольшего притяжения, сгорая в своем быстром движении, восторгаясь силой полета и сладостью движения — даже бровью не повел, увидев барыню.

— Дозвольте в сотню уйти, Ваше благородие...

Бирюков посмотрел ему в глаза и от пытливых офицерских глаз, в которых казак прочитал затаенную муку и грусть, опустил Василий голову.

— Уходишь?..

— Ухожу, — выдохнул широкой грудью...

И вдруг сотник сказал с тем-же сокрушенным выражением лица, как и вестовой:

— Вот оказия какая... Ну, иди... хорошо... поговори Васька...

Звякнули шпоры от медленного задумчивого поворота, зазвенели в медленных шагах, на серебро погон, приликая к звездочкам, легли тепленькие ладони и стали они, погоны, от этого ровными и прямыми, настоящими офицерскими погонами, но глаза Бирюкова смотрели куда то выше золотистых шаловливых прядок, и стояли друг против друга две души — как два мира.

Загреб, 1928 г.

Юрий Гончаров.
(Брно).

* * *

Непогожим, злобным ликом
Ночь ютится за окном...
В хмельном плясе, в пеньи диком
Хороню — свой вешний сон...
 Смех угрюмый... звон бокалов...
 Полог сумрачный небес...
 По просторам скачет дьявол,
 Кажет в окнах длинный перст.
 Стук бокалов, запах тленья
 Сочетались в жуткий вой —
 Богу?.. Дьяволу-ль хваленья
 Слатъ за чашей круговой?
 ... Зарев пламя... свет пожарный,
 Бег бесследный колесниц,
 В голове туман угарный
 И мельканье страшных лиц.
 И в душе, в волнах кудели:
 Все бледней моя звезда...
 Эта ночь с тобой разделит —
 Нас разделит навсегда...

... Стерлись знаки слов и линий...
Сердце жжет огнистый ром —
За окном все дьявол синий
Машет огненным крылом.
Там — в окне гудят пожары,
Панихидный слышен звон...
Панихидным звоном чары
Мой хоронят вешний сон...

* * *

Сквозь окно прокрался холод снова.
Синий холод очи потушил.
Продала... Сменяла на другого...
И следы их за окном еще свежи...
Снять-бы плеть, да плеть-то — боевая,
Сплетена не для такой спины.
Где-то псы на белый месяц лают.
А дома — угрюмы и черны...
Ты опять пуста, глухая улица!..
Эх-бы, голову... в огонь — или — в петлю...
Приходи, любая — поцелуемся!
Приходи... Любую — полюблю...

Павел Поляков.
(Белград).

* * *

Рожденный для песен и смерти,
Я верю, люблю и пою —
Эй... черти... веселые черти...
Придумайте тризну мою.
Да, там, на Дону... на кургане,
Купаясь в шелку ковылей,
В предутреннем раннем тумане
Начните вы песнью моей.
Той песнью, где боль и разлука,
Где слезы, вражда и тоска,
Где муки, предсмертные муки,
И горечь души казака...
А кончите — пляскою дикой,
Чтоб стало вам тошно самим —
Сомните ковыль с повиликой,
И пыль подымите и дым...
Зеленым огнем прибегите
И в пламя курган обмотав,
На нем из камней соберите
Чертяку с веночком из трав.
Что-б рожей противной и мерзкой
Он небу грозил и мигал,
И тенью огромною дерзко
И степи и Дон заслонял.

Я сегодня тих и кроток,
Я сойду сегодня в ад
Под визжание трещеток
Хора резвых чертенят.
О деталях поготорим,
С ведьмой трубку раскурю,
Посмеемся и поспорим
Ожидая зари...
С ведьмой в карты поиграю,
Душу в карты пропущу —
И, конечно, замотаю,
Снова душу ворочу.

И вернувшись из ада
Целый день я буду пить...
... ..
Кто из вас мне скажет — надо
Иль не надо дольше жить?

Ахмед Цалыккаты.

Мудрость седого Кавказа.

Тамерлан и зеркало.

(Из легенд Кавказа).

Это было тогда, когда Тимур-хромец разорвал Персию.

Богатая добыча попадала в руки хищника степи. Женщины, красоту которых не могло описать перо. Кони, столь быстрые, что можно было думать о крыльях, приросших к их бокам. Драгоценные камни — и добытые со дна океана и отысканные в глухих ущельях Гималаев, где их хранили чудовищные Дивы*). А больше всего было тканей и ковров. Ткани столь

тонкие, что целое платье проходило сквозь маленькое колечко и развернутое играло искрами, вспыхивавшими как огни в глазах влюбленного юноши — и благоухали эти ткани, как розы Шираза.

Но больше всего было ковров. Целые горы ковров. В них была вся мудрость, красота и поэзия седого Востока.

О, Аллах, творец чудес, какими красками были расписаны эти ковры и что только ни чудилось в этих рисунках изумленной душе человека! И нежные газели тоскующей души поэта, и томные вздохи неудовлетво-

*) Духи.

ренной страсти, робкой, как лань звезды гарема, слушающей песню соловья, влюбленного в розу, и ласки сладострастья, смешанные со слезами одалисок и кровью рабов.

Причудливые орнаменты! Фантастические птицы, рыбы и звери. Чье воображение творило эту фантастику под сводами каменных дворцов, похожих на вековые склепы, в скрытых от нескромных людских взглядов — гаремах. А тут были и нежные хоросанские ковры из верблюжьей шерсти и твердые керманшахские из козьего волоса. Некоторые были порублены мечами и поколоты копьями. Тяжелые, будто от скорби веков впитанной ими, и огромные, могущие закрыть от человека весь Божий мир, погрузить его в тишину одиночества и наполнить его мозг химерами необузданного воображения.

А вся эта мелочь — неисчислимая — паласы сумали, джидимы, арбабаши — достояние простых воинов!

Сосуды, оружие и много всяких других вещей, которые тщетно старались переписать тысяча писцов, работавших день и ночь.

И все это богатство было брошено к ногам Тимура...

Однажды он осматривал свою добычу и равнодушно скользил взглядом.

Вдруг Тимур вздрогнул. В щелях его полузакрытых глаз вспыхнула искра. Мгновение глаз его был прикован к какому то блестящему предмету.

Но искра в щелях глаз потухла, круто повернулся маленький хромец и, волоча ногу, ушел в свой шатер. Там он улегся на шкуру тигра и задумался.

Потом хлопнул в ладоши и, когда, неслышно ступая босыми ногами, вошел раб и склонился у ног повелителя, Тимур приказал принести к нему в шатер „тог“ блестящий предмет.

Принесли рабы, поставили и ушли.

Оставшись один, Тимур медленно поднялся со сво-

его тигрового ложа, подошел к блестящему предмету, потрогал пальцами его гладкую холодную поверхность, а потом долго смотрел на человеческую фигуру, которая, в свою очередь, смотрела на него пылливо из глубины блестящего предмета.

Смотрел... смотрел Тимур и, вдруг, заплакал. Первый раз в жизни...

— О, Всемогущий! Закрыв лицо руками, воскликнул он всхлипывая, — каким несправедливым оказался Ты ко мне. Ты возвысил меня высоко над миром, Ты дал мне в руки меч победы, но Ты лишил меня того, что Ты дал моему последнему воину.

Бросился Тимур на свое тигровое ложе и продолжал рыдать.

Не слышно вошел в шатер любимый советник грозного завоевателя.

Остановился у входа и замер от удивления.

— Повелитель, что с тобой, чего ты плачешь? — спросил он, потрясенный необычайным зрелищем.

— Как же мне не плакать? — ответил Тимур и, отняв руки от лица, указал на зеркало:

— Первый раз я вижу себя таким, каков я есмь.

А потом с горечью воскликнул:

— О, Всемогущий, неужели у Тебя не нашлось лучших форм для моего образа.

И Тимур снова закрыл лицо руками и снова стал всхлипывать.

Но каково же было его изумление, когда он услышал такие же всхлипания рядом с собой.

Отняв руки от лица, он увидел слезы на глазах своего любимца.

— Дурак, а ты то чего плачешь? спросил Тимур, удивленный в свою очередь.

И слышит ответ:

— Великий повелитель, ты увидел свой образ только раз и заплакал, а каково же мне, который видит этот образ уже в течении многих лет!...

С. Савицкий.
(Бразилія).

ПОВСТАНЧЕСЬКА ПІСНЯ

Поховайте та вставайте,
Кайдани порвіте,
І вражою злою кровю,
Волю окропіте!

Т. Шевченко.

Ти тут сльозами не поможеш,
Як хочеш бачить вільний світ.
Катів своїх цим не стрівожиш,
Які п'ють кров твою і піт.

На бій, на бій, на бій!
Як любиш нарід свій.

Доволі плакали в неволі,
Благали волі у катів.
Як хочеш правди, сонця, волі, —
Не треба більш прохань і слів...

На бій, на бій, на бій!
Як любиш нарід свій.

Молили Господа в неволі
Тепер прости і Ти нам, Боже,
Що йдемо в бій за правду — долю,
Що знищемо ми все вороже.

На бій, на бій, на бій!
Як любиш нарід свій.

Душа козака загорілась
Од мук пекельних у ярмі.
Як палко серце розлютилось.
Тепер вже хочем помсти й ми.

На бій, на бій, на бій!
Як любиш нарід свій.

П. Атаманцев.
(Болгарія).

ТИХИЙ ДОН.

Кровавый Дон! Степей Донских просторы
Залиты кровью рыцарей былых, —
Кому Москва дала название „воры“ —
За подвиги Донцов отважных и лихих.

Эпоха войн безумных и отважных
И писем дерзких Турскому царю,
Разгул и буйство пиршеств бражных
Царили издавна в свободном том краю.

Матейный Дон он стал, — лишь подчинился,
Признал верховенство Московского царя.
Свобода где? Разгул слезой сменился...
Но ждал казак, чтоб вспыхнула заря.

Заря войны, разгула и свободы, —
Казачьей вольницы блестящая заря...
Дон ждал. Прошли за годом годы:
Не стало на Руси порядка и царя.

Свободный Дон! Он сбросил цепи рабства
И стал розыскивать дорогу к старине.
О знал пути и равенства и братства,
Но... был сломлен в неслыханной войне.

Потоками крови сынов своих залитый,
Притих старик и ждет Сполоха звон.
Свободы звон, в степях давно забытый —
Вновь возвестит — воскрес Великий Дон!..

О. Олесь.

З мечем і з келихом вина
Злетів на землю Сатана.
І загремів могутий крик:
„Квіток мені, огнів, музик!“

„Стомився Бог, не дав ладу,
Я їх на гори поведу.
Нехай закрутять їх вітри
І скинуть в доли із гори.“

Блиснуло сонце. Зник туман,
Бадьоро стукнув тарабан,
В руках завіттали прапори,
Біжать з піснями до гори!

Ніщо не стримає потік,
І він летить, несе пісок,
Каміння, бруд, добро і зло,
Все, що з дороги не зійшло.

А сонце вище, день ясніш,
І груди дихають вільніш.
Все ширше обрії ясні,
І все, як снилося ві сні.

Важкий, важкий на гору шлях.
І день і ніч ідуть в боях,
На тілі, в серці безліч ран,
А жертв, а крові — океан!..

З мечем і келихом вина
Вгорі сміється Сатана:
„Пильнуйте: всюди вороги!
Ідіть, тут казка навкруги!“

Прийшли по трупах, по кістках,
З мечами, з кров'ю на мечач.
Співали їм пісні вітри,
Казки шуміли прапори.

На камінь впали, сон міцний..
Ось-ось засяє день ясний, —
Роботи стане всім рукам,
Величний ми збудуєм храм.

А вранці встали — знов війна.
Кричить: „До зброї!“ Сатана, —
„Для Храму місце! Скелі скрізь.“
І знову море крові й сліз.

І знову крик: „До боротьби!“
І впали скелі і дуби,
І чорні круки і орли,
Обнявшись крилами лягли.

„Будуймо храм!“ лунає крик.
Але вояк до бою звик,
Майстри ж ті впали, ті в лісах,
А в решти сльози на очах.

Гуртом далеко по гори
Ідуть в долину косарі,
І долітає пісня їх.
Так-наче стогін, наче сміх.

Не стало хліба — знов війна.
Кричить: „До зброї!“ Сатана,
Палають села, як свічки,
Течуть скривавлені річки...

Іде зіма, метуть сніги,
В ватаги збились вороги.
„На бій останній!“ Знов війна.
— „До зброї!“ кличе Сатана.

І покотились всі у низ..
І знов на горах тихо скрізь.
А там, де мав повстати Храм,
Хтось впав і плакав в лад вітрам.

Я. Рудик.

* * *
Надо мною ще летять
Зграї чорних, довгих днів..
Чи замучити хотять,
Чи посіять більш тернів?
Чув давно вже воркіт хвилі,
Що пливе там по Кубані;
Чув давно вже пісні милі,
Що в дитинстві чув в тім Краї.
Не милують більше очі
Золоті, широкі ниви;
Обіймають часто ночі
Чорних распачів й сумніви.
Що блакить своїх небес
Скоро бачити я буду,
Що тернистий шлях увесь
Перейду. Нудьгу забуду.
Та леліять буду мрії,
Що доп'ю я келих горя;
Розбуду від сна надії,
Що засяє щастя — зоря!

М. Н—ов.

* * *
Ночь. Глухо — черно кругом.
Догорели, погасли зарницы, —
И, об'яты чутким, измученным сном,
Спят долины, леса и станицы.
Но не спит Мать-Кубань и не может уснуть —
Боль незажитых ран сна не знает.
И, купая в крови крестно-пройденный путь,
Тихостонно, родная, рыдает.
И как только забрезжит рассвет по горам
И в тумане проснется станица, —
С лаской шепчет, усталая, детям-волнам
На прощанье наказ Мать-Орлица:
— С Богом, милые, в даль! Дн по всем по морям
Мою думу и зов разнесите, —
Всем, кто помнит меня, да орлятам-сынам
Так от Матери всем им скажите:
Что не спит де она, что все думы о них,
Что о них она ночью рыдает..
И, мечту затая, бойцов воли своих
Всех к своим берегам ожидает.

Вынужденная полемика.

В нынешнее время в каждом демократическом государстве носители верховной власти — короли или президенты — не участвуют во внутренней политической борьбе партий или разных общественно-политических группировок. Они являются той высшей инстанцией, для которой все партии, все группы, все направления политической мысли одинаково равны. Король или президент стоят „выше партий“. В каждом демократическом государстве (а таких сейчас подавляющее большинство, а в Европе, кроме СССР, других и нет) верховная власть правит страной через Правительство, ответственное перед парламентом, где представлены политические группировки страны. При таком порядке вещей, президент или король не несет и ответственности за действия власти. Правительство — ответственно, глава государства — „безответствен“. Этим предопределяется и отношение страны к своему верховному представителю. Политические группировки страны и сами не втягивают носителя верховной власти в свои споры. В то же время каждая партия знает, что, когда страна окажет ей доверие и на выборах она получит большинство, то с ним будет и „первый гражданин государства“, независимо от своих личных политических убеждений.

Такой порядок существует в каждой стране, где власть существует для блага государства и народа, а не наоборот, — не народ или государство для власти.

Казачьи Республики — Кубанская и Донская по крайней мере, — согласно своих Конституций были и суть республиками демократическими: имели выборных президентов-Атаманов, парламенты (Круг, Рада) и правительства, ответственные перед этими парламентами. Очевидно, что, если бы наши республики просуществовали некоторый, хотя бы небольшой срок мирной жизнью, то кроме законов писанных — Конституций — установились бы и навыки, традиции, привычки, которые часто (как, напр., в Англии) составляют неписанное дополнение конституций. К сожалению, непрерывная война не позволила создать нам „неписанного порядка“, а потом эмиграция лишила нас фактической возможности исполнять наши Конституции и в той их части, которая касается организации власти. Казалось бы, что это обстоятельство должно было бы все время заставлять, особенно Атаманов, быть особенно осторожным в своем „правлении“.

В действительности наблюдается иное: не только нет возможности соблюдать Конституции, но и сами те, кто наиболее должен был бы блюсти их и наименьше отклоняться от них в своей работе, — те все время умаляют значение Конституций слишком частыми и своеобразными своими „толкованиями“ и утверждениями, что „самостийные Конституции“ есть явление временное, тактика и пр.

Точно также, не всегда „конституционно“ фактически и „правят“ Атаманы. Они сами на себя берут функции правительства, делают „политику“. Вместо того, чтобы быть выше партий и группировок (своих, конечно, казачьих), Атаманы (не все, правда, в одинаковой мере) сами вмешиваются в борьбу, выступая за одних, или против других. Это влечет за собою одобрение одних и ответ или неодобрение других. Этим носители „верховой власти“ свлекаются с пьедестала, становятся „смертными, — слишком смертными“.

Короли или президенты „ошибок“ не делают. „Ошибки“ делают правительства, которые за них и отвечают. Наши же Атаманы, идя сами до „передовых линий“ политической борьбы, совершенно не гарантированы не только от „ошибок“, но и от вещей более горших. Такое поведение „президентов“, позволяет и разрешает „подданным“ критику „главы государства“, дает поводы думать о их пристрастии и пр.

В последнем номере (14—15, январь—апрель, 1928) „Вестника Казачьего Союза“ выступили против „Вольного Казачества“ Донской Войсковой Атаман ген. А. Богаевский и председатель Донского Правительства г. Н. М. Мельников.

Эти выступления разрешают, конечно, нам и дают право не только на ответ, но и на то, чтобы поставить перед казачеством и более общий вопрос о правильности или неправильности атаманской политики за границей. Подчеркиваем при этом, что мы будем различать Донского В. Атамана и генер. А. П. Богаевского.

В выступлениях своих, Донской Атаман и Председатель Д. Пр-ва несколько различны в оценке самостийников. Если для ген. Богаевского „самостийность... — злое и неумное дело“ (хотя на временную самостоятельность и он пошел бы — „пока будут править большевики“), то Н. М. Мельников не так уже враждебно настроен в наш адрес, он ничего не имел бы против того, чтобы „самостийники“ освободили Казачьи Республики (для этого допускается союз даже с Украиной и кавказцами) и восстановили бы самостоятельность Дона, Кубани, Терека, а он, Мельников, положил бы потом (когда признал бы это нужным) эти „готовые пироги“ к ногам „будущей России“.

Да простят нам наши читатели, если мы несколько подробнее остановимся на обоих выступлениях.

Прежде всего обратимся к статье „о казачьей самостийности“, в которой Донской Атаман говорит не только от себя, но и от имени всего Обединенного Совета Дона, Кубани и Терека и в которой, по нашему глубокому убеждению, ген. А. П. Богаевский совершенно заслонило собою Донского В. Атамана.

Не будем останавливаться здесь на первой части статьи, посвященной исторической справке о происхождении Казачества. Сейчас, после всего пережитого, после того, когда казаки перестали вполне доверять чужим историкам, а сами уже несколько покопались в первоисточниках и сами начали находить свои „метрики“, — даже гимназисты младших классов не все приняли бы исторические утверждения ген. А. Багаевского, как бесспорные.

Не утешает Д. Атаман и скорым падением большевиков, хотя и говорит, что сов. власть держится только насилием. Мы думаем, что без поддержки русского (великорусского) народа большевики не продержались бы и одного дня. Мы различаем истинное положение дел в Веллкороссии с одной стороны (там еще не боролись серьезно с большевиками), и на Украине, в Казачьих Землях, на Кавказе, — вообще „на окраинах“ — с другой, где большевики действительно держатся только великорусскими штыками. Предупреждение же В. Атамана, что придется ждать падения большевиков может быть „целое поколение“, еще больше утверждает нас в правильности нашей мысли, что казакам нужно думать прежде всего самим о себе. Представим себе на минуту, что мы действительно будем сидеть и ждать у моря погоды „целое поколение“. Что будем здесь, с нами? — Прежде всего мы, наше поколение, значит, не дождется, собственно, этого „падения“. Малое это для нас, казаков, утешение. А что будет там? — Там десять лет идет ликвидация Казачества. Нет никаких признаков и поводов для того, чтобы думать, что политика Московской советской власти в отношении Казачества изменится хотя бы в какой либо мере. А что будет при таком темпе чекистской „работы“ через двадцать-тридцать лет? Весьма возможно, что вопрос „самостийности“ разрешится тогда сам собою, потому что „отделять“ уже некого будет. Тогда, конечно, русские интересы, о которых так печется ген. Богаевский, будут соблюдены, но удовлетворены-ли будут тем интересы Казачества?

Очевидно, что стратегические вопросы обороны Казачьих Земель, о которых говорит Д. Атаман, должны быть предметом особого, специального исследования. Мы считаем, что утверждение ген. Богаевского о том, что Казачьи Республики не смогут существовать рядом с великим и уже „враждебным соседом — Россией“ — есть слабый аргумент против самостийности. Мы видим, что в действительности существует в мире больше малых (меньших, чем даже Дон или Кубань отделено взятые) государств, чем больших. И живут рядом — большие и малые. Иногда „враждебны“, иногда дружественны, но живут, и никто еще из „малых“ соседей не отказался от своей самостоятельности только потому, что это не нравилось его „большому“ соседу, хотя бы и „враждебному“. И здесь мы считаем, что при решении вопроса о судьбе Казачества, единственно решающую роль долж-

на играть воля (согласие или несогласие) самого Казачества, а не его „враждебного“, хотя бы и большого соседа.

Далее Д. Атаман ставит ряд вопросов: что, собственно, дает Казачеству „самостийность“? и на некоторые только сам дает ответы. Остановимся и мы на них.

— Для небольшой группы казаков, близких к политике, говорит ген. Богаевский, самостийность даст „больше возможностей выдвижения на высокие служебные места в Крае. Интересно-ли это для всего Войска?“ — Приписывать самостийникам такой слишком „личный“ побудительный мотив в их работе и в их конечных целях, это значит или не считать самостийническое движение серьезным или расценивать на наивность своих читателей. Вероятно и сам автор согласен с тем, что одного честолюбия здесь было бы мало. Только будущее, конечно, даст окончательный ответ, поскольку самостийное движение Казачества серьезно или несерьезно. Что же касается вообще роли казачьей интеллигенции в казачьей политической жизни, то мы считаем, что независимо от судьбы Казачьих Земель, будут ли они государственно самостоятельны или не будут, для Казачества всегда будет лучше, если политической его жизнью будут руководить свои люди, а не чужие, как и не те свои, что так плохо разбираются в „политике“. Каждый народ стремится и должен иметь свою интеллигенцию. Может быть и исход недавней борьбы Казачества с большевиками был иной, если бы у нас была своя интеллигенция, стоящая на высоте задач переживаемого исторического момента. От „политики“ казакам уже не уйти, напротив, горе казакам, что они „далеки“ были от политики. „Пушечным мясом“ мы были и есть прекрасным, но только.. в чужих руках, а не в своих. Д. Атаман спрашивает: интересно-ли для всего Войска, если высокие служебные места в Крае будут принадлежать „небольшой группе казаков, близких к политике“. — Да, гораздо более интересно, чем когда эти места принадлежат чужим, как это было недавно и есть сейчас.

— „Полное равнодушие, даже, наверное, враждебность к этому вопросу (самостийности) со стороны простой казачьей массы, если независимость не даст ей сразу спокойной, обеспеченной жизни. А этого спокойствия не будет, раз около живет сильный обиженный сосед“, утверждает Донской Атаман. — Выше мы говорили уже об отношении к „враждебному“ соседу. Странная все же логика у людей, которые считаются с настроениями обиженных соседей больше, чем с интересами своего собственного народа. Стремление Казачества к самосохранению, нежелание быть окончательно сѣденным „соседом“ (который сейчас очень враждебен Казачеству) должно, согласно ген. Богаевскому, вызвать как будто даже законную, само собою разумеющуюся „обиду“ у соседа, тогда как мы не только что защищаться не имеем права и не

должны, а наоборот — радоваться, а не обижаться должны, что имели и будем иметь „честь“ удовлетворять ненасытные аппетиты „соседа“. Пусть позволено будет и нам на этом месте спросить Донского Атамана: кто же и когда даст Казачеству сразу спокойную и обеспеченную жизнь? — Россия настоящего не дала и не даст. Даст ли ее та Россия, ждать которую советует ген. Богаевский и в которой Казачеству снова принадлежала бы роль „охранителя“ уже не России, а только всероссийской власти? — Не будет-ли, после этого, судьба Казачества при второй (последующей) „великой революции“ еще более печальна, чем после первой „великой революции“ 1917 года? — А что если независимость даст хотя бы и не сразу, но более спокойную и обеспеченную жизнь, чем под сенью „обиженного“ соседа?

Третье „устрашающее“ обстоятельство для Донского Атамана, это „необходимость для казаков немедленно решить массу вопросов огромной важности“...

— Хотят казаки, или не хотят того, но от разрешения больших вопросов, в том числе и от затронутых Д. Атаманом, им не уйти и сейчас и в будущем, если вообще они хотят жить. Если бы казаки захотели уклониться от их решения, то все равно кто-то будет решать их, но уже за счет казачьей крови. Мы полагаем, что, наоборот, не уходить, а как можно ближе самим подходить ко всем вопросам, большим и малым, самим решать их, — только тогда справедливые интересы Казачества будут соблюдены. Пересмотрим затронутые Д. Атаманом вопросы по порядку:

— Как быть с крестьянами? спрашивает Атаман и не дает ответа. — Мы считаем, что вопрос этот („крестьянский“ на Дону, „иногородный“ на Кубани) кровно касается Казачества и оно прежде всего должно иметь свое решение его. Нерешенным он оставаться не может. Что его во время не решили сами казаки — жалели потом многие. Не решат этого вопроса казаки, — решит кто то третий, а Казачество при таком решении только больше проиграет. — А как быть с крестьянами, если не добиваться самостоятельности? в свою очередь могли бы мы спросить Донского Атамана. — Что делать, если они (крестьяне) не захотят подчиниться решению о „самостийности“? продолжает спрашивать Атаман. — Мы думаем, что ответ на этот вопрос будет зависеть всецело от решения предыдущего вопроса. А решение того вопроса надо искать такое, чтобы казакам не пришлось воевать со своим коренным соседом — крестьянином, а крестьянину с казаком; чтобы Дон в будущем был одинаково равным Отцом как для казаков, так и для крестьян. Иного решения нет, если не делить Дона. Если бы этот вопрос решал кто то третий, — он решал бы его так (как это было и есть), чтобы между казаками и крестьянами всегда оставались нерешенными некоторые спорные вопросы, потому что где два дерутся, там третий с того имеет выгоду.

Divide et impera — разделяй и властвуй — старый испытанный девиз.

Следующие затронутые Атаманом вопросы — экономического и финансового характера. — Как то на этом месте мы уже сказали, и еще раз это подтверждаем, что самая дорогая самостийность будет стоить нам все же дешевле, чем большевики и теперешнее положение наших Краев и те будущие платежи по сметам революции, какие еще наложит на плечи Казачества даже та будущая Россия, о которой некоторые из нас так мечтают...

— Как быть с денежной системой? — Мы имеем перед глазами как раз несколько (достаточно много) примеров, когда на территории б. Р. Империи и б. Австро-Венгрии создались новые государства, которые должны были как раз решать эти вопросы своей денежной системы. Большинство этих малых государств, далеко меньшие и по территории, и по населению, и по естественным богатствам, чем один Дон, или одна Кубань. И все же эти малые народы достаточно хорошо, а иные прямо таки блестяще справились со своими финансовыми задачами. Неужели мы имеем меньше данных для того, чтобы быть не хуже их? Да почему бы нам не поучиться у тех, кто был умнее нас и, в то время, как мы бесполезно, но так щедро растрчивали казачью кровь, кто сумел уйти от Москвы и построить свою хату и не скитаться сейчас так по свету, как мы. Поучиться никогда не зазорно. Не будем учиться сами решать большие вопросы, — так навсегда и останемся только хорошим „удобрением“ для других.

Бойтся ген. Богаевский и долгов. „Долг вызовет большие налоги“... — Разве могут быть еще большие налоги, чем те, какие сейчас платят наши братья там, под Красной Москвой? Или ктонибудь думает, что, в случае падения большевиков и оставления Казачьих Земель в составе „новой России“, налоги уменьшатся? Ошибается тот, кто так думает. Сейчас платят там большие налоги, чтобы могла существовать Сов. власть, но большие еще налоги будут платить на „восстановление единой-неделимой“.

Мы не говорим, что налогов в самостийных казачьих республиках не будет. Теперь уже никогда такого, „безналогового“ времени не наступит, но в самостийных казачьих республиках налоги будут устанавливаться донским, кубанским терским населением и налоги эти будут идти на удовлетворение своих нужд, а теперь или в России „будущего“ нам предоставлено будет только платить их, а устанавливать и распоряжаться ими будут другие.

— Как поделить землю? — С нашей точки зрения лучше будет, если ее поделит Казачество, чем делят или, все равно, будут делить другие. Лучше потерять часть, чем все.

Невозможно в одной статье исчерпывающе ответить на все затронутые вопросы, каждый из них требует внимательного и серьезного разбора и решения. Придет время, когда мы поставим каждый из них во всей его широте. Мы

нисколько не намерены „уходить“ от трудных вопросов, но у нас есть на них свой черед.

Коснемся, однако, вкратце еще одного вопроса, затронутого Донским Атаманом. — „Самостийное“ государство не может существовать без армии. Откуда взять средства, чтобы ее вооружить, содержать? —

Прежде всего: будут или не будут самостоятельны Казачьи республики, все равно воинскую повинность казаки будут нести. В прошлом казаки несли ее в гораздо большем раз- мере, чем остальное население империи. Казаки не имели своих армий, казаками тогда, как и сейчас командуют другие, чужие. Своей армии бояться нечего. Если бы и раньше были у донцов, кубанцев, терцев свои армии, — может быть мы не были бы сейчас и в эмиграции. Что касается средств на содержание, так разве раньше, а особенно теперь наше население не платит на красную армию? Не содержат же ее „чужие“. Если такие задачи под силу меньшим и более бедным государствам, как Эстония, Латвия, Финляндия и др., то почему не справимся с ними мы?

— Затронут даже такой вопрос, как невозможность в будущем (при осуществлении „самостийности“) „служить в России“. — Казаки не уходили не только „служить“ в Россию, но и вообще неохотно покидали свою землю. Если и уходили „на службу“ в Россию, то только те немногие интеллигенты, которым „тесно“ было на своей родной земле, уходили те, кто мечтал о карьере в большем масштабе, чем это могло быть на Дону, Кубани или Тереке. Казачество ничего не проиграло бы, если бы такие возможности в будущем были более ограничены и казачья интеллигенция должна была бы служить прежде всего своему народу.

Только улыбку может вызвать упоминание В. Атамана о невозможности в будущем казачеству „жить... без ее (России) былой помощи на разные войсковые нужды“. Сейчас уже и дети-казачата знают, что брала Россия с Казачьих Земель и что им давала.

Страшит В. Атамана „неминуемое появление разных политических партий, их ожесточенная грызня в парламенте — Войсковом Круге“. — Партии все равно будут, независимо от того, будут или не будут Дон, Кубань, Терек самостоятельными. Но опять таки, пусть будут свои, чем такая чужая, какая правит сейчас

там. Кто хочет иметь Донской парламент — Войсковой Круг, тот не должен бояться донских партий; кто же не хочет донских партий, тот не хочет В. Круга, ибо парламент — не воинская часть. Мы имеем все основания думать все же, что среди казачества партий будет немного; вероятно, одна — сильная.

Еще большее недоумение вызывает у читателя страх Донского Атамана перед „очередными революциями, как в Португалии, Мексике, в мелких американских республиках“... — Сказано, очевидно, больше для красного словца, ибо немного раньше сам автор, говоря не о „малой“ какой нибудь Донской революции, а о целом революционном море Всероссийском, подчеркивает, что когда на Дону возродились Войсковой Круг и выборный Атаман с их прежней властью и силой, то „это дало возможность сохранить порядок в Войске“... Противоречие автора с самим собою очевидно. Мы глубоко убеждены, что своих революций в свободном Союзе Казачьих Республик не будет. Чаще всего они будут у того „обиженного“ соседа, за благополучие которого ген. Богаевский так боится. Переживать Казачеству их все так, как переживаем мы эту последнюю, слишком невыгодно.

— И все же и ген. А. Богаевский допускает возможность отделения Казачьих Краев от Советской России и их временную самостоятельность. — Если так, то зачем же было так много писать против самостийников. Ведь и наше отделение сейчас — отделение от Советской России. Еще в первом номере „В. К.“ мы первым пунктом своей общей программы поставили освобождение Дона, Кубани, Терека... из под власти РСФСР. и СССР. Выходит, что с этим пунктом нашей программы согласен и Донской Атаман. Расхождение между нами начинается дальше: для него — это может быть явлением только временным, для нас это и самоцель, т. к. мы не верим, чтобы кто нибудь потом стал отказываться от своих прав. Фактически, решение этого вопроса будущего было бы свободной воле Казачества. Мы за это свободное решение народа не боимся. А кто боится, тот все равно не выиграет.

Еще больше противоречий и несогласованности между статьей Донского Атамана и статьей Председателя Донского Правительства. Но об этом — в следующий раз.

Ис. Быкадоров.

Пособники Советской власти.

Русская пресса в настоящее время гадает о возможности перерождения красной армии в русскую (белую) — от этого зависит ставка Российской эмиграции в вопросе воссоздания „единой неделимой“ России.

Сыр бор загорелся из-за заявления ген. Деникина, приведшего в восторг бывшего сослуживца его в прошлом, в настоящем военспеца в красной армии.

Слова А. И. Деникина знаменательны:

„Если бы последовало крушение советской власти под ударами внешних сил, и победители проявили бы при этом неумеренные вождения, зарубежное воинство, бесспорно, исполнило бы свой долг, поднявшись на защиту родных очагов — совместно с той армией, которая ныне называется „красной“.

Эти именно слова и привели в умиление краскома, вызвав письмо к Деникину „оттуда“.

Очевидно, что если бы последовало крушение советской власти под ударами внешних сил, т. е. в результате внешней войны, то следствием разгрома было бы крушение и красной армии и белому зарубежному воинству не пришлось бы устанавливать единого фронта с красной для защиты своих очагов.

Концепция Деникина допускает возможность поворота „белых“ сил против своих союзников — интервентов. Момент поворота — „мавр, сделал свое дело и можешь уйти“.

Это — роспись в возможности предательства союзников. Мораль ген. Деникина допускает это, как допустила его практика — предательство в отношении казачества — оставление на расправу казачьих беженцев и войсковых частей на Черноморском побережье. Новороссийская катастрофа — вина прежде всего б. главноком.

Кто это будет определять предел умеренных и „неумеренных вождедений“ внешних сил, т. е. иностранцев, не бывший ли вождь „белого движения“, сам Деникин?

Ген. Деникин заявляет как бы от лица зарубежного воинства. Мы думаем, что игра бывшим титулом сейчас — игра вышедшим в тираж билетом выигрышного займа.

Ген. Деникин не является вождем и зарубежного русского офицерства, он действительно и окончательно „вышел в тираж“ после Новороссийской катастрофы.

Военный авторитет А. И. Деникина не больше авторитета Куропаткина после Японской войны, но часть русской эмиграции, повидимому, признает его и военным и политическим вождем.

В обоих письмах и „оттуда“ (т. е. из СССР) красного военспец и „туда“ ген. Деникина с директивами и поучениями явились своего рода сенсацией в российской прессе, вызвали живой обмен мнений по основным затронутым письмами вопросам.

В одном случае Российский кафтан как будто зашит, починен (между белыми и красными военспецами установлением солидарности), в другом месте располагается (спор о кадровых и не кадровых).

Авторами обоих писем посвящено много внимания вопросу, почему Добровольческая и вообще „белые“ армии оказались худосочными, т. е. без более или менее значительного прилива многочисленного офицерства, составившегося в результате Мировой войны (безразлично кадрового и не кадрового).

Российская пресса не углубляет этого вопроса, имеющего теперь как бы историческое значение, из-за стремления „засыпать ров“ между белым и красным офицерством.

Для ген. Деникина вопрос этот не может иметь ни исторического ни практического значения: разве причины „поражения“ вооруженных сил Юга России“, т. е. Казачества и Добровольческих армий, красными зависело от недостатка притока 3-5-6 тыс. офицеров, а не от бесталанности политического и военного водительства прежде всего и, главным образом, главнокомандующего вооруженными силами Юга России ген. Деникина?

Что же участь потерпевших поражение, их психология, их моральное оправдание заключается в утверждении, что вот не хватило всего 1 батальона, полка, дивизии, а то победа была бы непременно одержана?

Соотношение сил и средств „белых“, особенно на юге, было таково, что поражение красных могло и должно было совершиться.

В общем же, вопрос о причинах худосочия белых армий, или еще шире — всего „белого движения“, выходит далеко за пределы узко офицерского вопроса.

В письме „оттуда“ худосочие белых армий, т. е. малый приток в них офицерства определяется просто и честно: рисковать жизнью и даже благополучием близких и жизнью своих и идти в Доброармию у большинства „пороху не хватило“.

Определение ген. Деникина, „опытного политика“, содержит примирительную формулу: „Скажем кратко: к нам уходили те, что хотели и могли уйти; у Вас остались те, что не хотели или не могли уйти“.

Эта „политичная“ формула в действительности ничего не определяет, кроме эластичности характера самого ген. Деникина.

Абсолютной невозможностью уйти в Доброармию можно признать лишь лишение физической свободы (арест, тюрьма, болезнь и т. д.), вне этого все слишком субъективно и очень условно.

Для одних — отсутствие скорых поездов, отдельных купе 1 класса, риск застрять в пути — уже устанавливало „не могли“.

Для установления понимания необходимо перенестись в то время: привычка к комфорту, удобству и т. д. у многих еще не были изжиты; ведь и 1920 г., во время эвакуации по Кубани к Новороссийску (сначала к Екатеринодару) тылы Доброармии эвакуировались с предметами удобств, комфорта и привычек, до собачек включительно.

Для других — теплушки и даже конские вагоны, паразиты, голодовка в дороге, ругань, издевательства, зашугения распропагандированной солдатни, риск на 50-99% быть растерзанными ею — не являлись препятствием для ухода и они „могли“.

Да и для самих бывших „Быховских узников“, к которым принадлежал и А. И. Деникин, и причастных к Корниловскому выступлению, это „могли“ было единственным выходом. Они остались ни в каком случае не могли, т. к. им грозила на все 100% неизбежная участь ген. Духонина, неминуемая расправа.

Одни рисковали на месте, а другие только по пути. Посему, как пребывание „там“, так и уход „оттуда“ ни в коем случае не может рассматриваться с точки зрения проявленного героизма, или обнаруженного шкурничества. Но и быховцы и доброармейцы чувствовали, осознавали себя, конечно, „героями“.

Для собирания Доброармии и вообще белых армий действительным фактором должен был являться не только „захват“ власти большевиками, т. е. отталкивающая сила, но и притягательная сила идей Добровольческой армии.

Офицерство, к тому времени уже проведено через „окаянство“ главнокомандующего А. Ф. Керенского в 1917 г. и окаянство „революционной российской демократии“, большевизм великорусским народом стал осуществляться значительно ранее, чем установилась большевицкая советская власть.

Появление „революционным порядком“ во главе армий, перекрашивавшихся еще под водительством Керенского в красный цвет, нового главнокомандующего Крыленко не было ни новшеством, ни скольконибудь более глубоким „окаянством“, чем предшествовавшее командование адвоката Керенского. Проигрыш войны? но для военных проигрыш ее для России был ясен еще в июле—августе 1917 г.

Таким образом отталкивающая сила не была достаточно сильной, главное резкой, в виде толчка: она была подобна прогрессивному параличу, который начался задолго до октябрьского переворота. Предшествующей властью (Вр. Правит.) применялись методы лечения и лекарства, которые вели не столько к прекращению и излечению болезни, сколько к ее развитию.

Относительно притягательной силы Доброармии необходимо сказать, что главная идея ее: верность, помощь в войне союзникам — после совершившегося не могла являться действенной. Да и в своем принципе собирания (принцип добровольности) она содержала наследие 1917 г.

После того, как первое „белое движение“ — выступление Корнилова в августе — „скисывалось“, благодаря предательству главы Вр. Правительства А. Ф. Керенского, пассивности либеральной российской буржуазии и враждебности рев. демократии, поднять вновь белое движение было чрезвычайно трудно.

Доверие и к демократии и к либеральной буржуазии совершенно пало, поддержка, напр., московских и вообще российских толстосумов — выразилось всего в присылке Алексею 5 т. рублей. Правда, была еще одна помощь, это приезд пр. Милюкова в Новочеркасск для „поучения“ Донского Атамана А. М. Каледина.

Престиж, ореол ген. Корнилова и ген. Алексева, после августовской неудачи, пал, к ним не было полного доверия, не было веры в успех их дела, в дело уже однажды проигранное.

Почему, наконец, офицерство должно было следовать смутному, глухому зову, о котором должно было больше догадываться, по пребыванию на юге ген. Корнилова и Алексева (о Деникине не слыхали, он мало кому был тогда известен), а не примеру не менее авторитетных ген. Брусилова, Клембовского, Гутора и т. д.

Как отталкивающая сила, так и притягательная сила, т. е. престиж, ореол, вера в вождей Доброармии, сила ее идей — не были достаточными для собирания офицерства. В этом главная причина неудачи и худосочия ее.

Еслл „белое движение“ признавать, как движение в защиту, спасение российской государственности, гражданственности, исторически сложившегося социально-экономического бытия, русской культуры и пр. от большевизма (а в этом только оно имело смысл и историческое оправдание), то нужно признать, что в целом — „белое движение“ получилось крайне худосочным.

Офицерство и не могло быть главным элементом и фактором выше указанного дела, — оно должно было быть задачей соответственных классов, сословий, — вообще здоровых элементов Российского государства, но их не оказалось.

Белые армии должны были являться составным, производным „белого движения“, а оно само получилось еще слабее, чем белые армии. Может быть это было и на благо их, т. к. элементы „белого движения“, составившие тылы белых армий (а потом в эмиграции „российскую интеллигенцию и общественность“), только разлагали их и, после безталанности военного и политического водительства ген. Деникина, были другой главной причиной поражения „белого движения“ на юге.

Доброармия состояла в большинстве из представителей российского дворянства, интеллигенции, буржуазии, но в ней не было представителей главной массы населения Великодержавии — крестьянства и рабочего класса.

Классы, дававшие офицерство Доброармии, разложились, у них не осталось здоровых начал, поэтому никакого серьезного „белого движения“ и не создалось (к белому движению, конечно, нельзя относить борьбу с красными Казачества), и „белые армии“ оказались слабыми.

В Доброармию шли не по признаку принадлежности к кадровым или военного времени офицерам, а шли и юнкера и воспитанники средних учебных заведений, особенно кадетских корпусов. Уход этот ни в каком случае не определялся багажом военных познаний и боевого опыта (ведь большая половина сверх кадровых — гвардейских и офицеров генерального штаба осталась у красных), а характерам, волеям.

Уход в Доброармию определялся сословной, социальной принадлежностью уходивших (это и должно было быть так), но для того, чтобы они „могли“, необходимо было чтобы они „хотели“, имели волю, необходимую идеологию. А ни того, ни другого у великорусско-

го народа в целом, ни у его надслоек, верхушек — интеллигенции и буржуазии, не оказалось.

Великорусский народ принял советскую власть без сопротивления, без борьбы, добровольно. Этого российская эмиграция и „водители“ ее не хотят признать: это им не выгодно.

„Белые армии“ не могли бы и месяца продержаться, если бы они опирались на „белое движение“. В действительности опирались они на юге на Казачество и горцев, на востоке на Казачество и на чешские легионы, на западе на народы, осуществлявшие свое национальное самоопределение и везде — на помощь иностранцев.

Офицеры: казаки, украинцы, эстонцы и др. (даже из обрусевшей интеллигенции или буржуазии) хотели пробраться в свои края и „смогли“ — дело было в притягательной силе родных краев, своего народа, в пробудившемся национальном их самосознании.

Несмотря на сверх достаточные силы и средства боровшихся против Советской Великодержавии народов, только благодаря этому противоестественному союзу разных по сдержанию элементов, соединения противоречивых целей их и бесталанности политического и военного водительства „белых“, — красные победили.

В соединении этих сил — была внутренняя ложь: для одних (народов) цель: национальное самоопределение, осуществление государственного бытия, для них это была война с красной Великодержавией; для „белых“ армий — обратно: „восстановление единой неделимой России, это была борьба будто-бы только с Советской властью. Если так было в 1917—1920 г., то откуда в ближайшее, или более или менее отдаленное время, явятся необходимые элементы и факторы для восстановления единой неделимой России, если их и раньше не было? Соввласть, придавая значение „желудочным“ требованиям — экономике, забрав ее в свои руки, вынуждена была сделать уступки. Как никак „куцые“, но в СССР. существуют республики: Украинская, Белорусская, Грузинская, Татарская, Горская и т. д.

Национальное самосознание народов бывшей России расширяется и углубляется, своя национальная работа в каждой области непрерывно идет. Престиж и ореол великодержавия великорусского народа пал, между последним и соввластью ставится знак равенства. Везде великорусский административный аппарат вытесняется местным.

Идет осознание своих национальных интересов.

Экономическое „расхождение“ ножиц совпадает с национальным: юг (территория Украины, Казачества) является производящим излишки хлеба, а север (Великоруссия) потребляющим. С юга всеми мерами и способами выколачивается хлеб, но промышленный центр взамен ничего не дает.

Идеологические, моральные, психологические различия великорусского и других народов бывшей России из глубокого рва превращаются в пропасть.

Те элементы, которые сцепляли разные народы в державу Российскую — дворянское сословие, российская интеллигенция, буржуазия, представители государственного и административного аппаратов — в большей части разгромлены или уничтожены, а оказавшиеся в эмиграции тоже распозлились и разложились.

(Окончание следует).

О. Долинский.

Сепаратизм, федерализм и самоопределение народов.

В предыдущих главах этих очерков была речь о политической стороне вопроса самоопределения народов. Мы видели, что естественно и логически процесс самоопределения угнетенных наций завершается требованием собственной государственности, как едино гарантирующей полное и беспрепятственное развитие каждого народа.

В связи с этим приходится коснуться здесь и теперь, после войны, особенно злободневного вопроса о по-

литическом сепаратизме инородцев и окраин. Вопроса тем более злободневного, что государственные центры — вчерашние еще злые и несправимые унитаристы — вдруг начинают увлекаться и даже проповедывать федерализм, как наиболее идеальный рецепт для мирного сожительства разнонационального населения под одной государственной кровлею.

Эти сегодняшние неопиты федерализма от государственного центра самым решительным образом осуж-

дают и порицают инородцев за их непримиримый сепаратизм и „самостийничество“, усматривая в этом узкий шовинизм и даже политическую реакционность вчерашних своих окраин.

Нам кажется, что этот рьяный федерализм не совсем к лицу вчерашним закоренелым централистам; а их упреки в губительном сепаратизме по адресу самоопределяющихся инородцев — мало убедительны в исторической ретроспективе взаимоотношений между центром и окраинами.

Неофедералисты от государственного центра забывают или сознательно замалчивают, что как раз окраины и инородцы на протяжении целых десятилетий в прошлом столетии — были самоотверженными и восторженными пионерами идей автономизма и федерализма, проповедывая неизбежную необходимость перестройки государств-китов с разнорациональным населением на федеративных началах.

Так было в покойной Австро-Венгрии, где с 1848 г. Чехи вели безнадежную борьбу за реконструкцию габсбургской монархии в духе политического федерализма единственно гарантировавшего рациональное и безболезненное решение весьма сложной для этого государства национальной проблемы.

Так было и в покойной царской империи, где носителями и пионерами идей политического автономизма и федерализма являлись прежде всего украинцы. Следует отметить то обстоятельство, что как чешский федерализм в Австро-Венгрии, так и украинский в России — обосновывались на политическом демократизме, усматривая в нем необходимую предпосылку для осуществления идей национальной равноправности.

Однако, все эти автономистические и федералистические стремления чехов и украинцев, поддерживаемые другими инородцами обоих названных государств — были воистину гласом вопиющего в пустыне. Правительства Санкт-Петербурга и Вены относились к ним враждебно, считая федерализм или автономизм антигосударственной крамолой. Но что хуже: общественное мнение господствующих наций в этих государствах — за малыми исключениями — тоже отнеслось недоброжелательно к федералистическим мечтам своих инородцев, усматривая в них проявления „провинциального“ национализма, несоместимого с общечеловеческими, интернациональными веяниями нового времени.

Сегодня — эта борьба австрийских и русских инородцев — всецело принадлежит уже истории. Напомнить ее мы считаем, однако не лишним, именно теперь, когда вчерашние враги федерализма упрекают потомков вчерашних федералистов в их сегодняшнем сепаратизме. Исторически и логически этот послевоенный сепаратизм окраин был естественным завершением их безнадежной борьбы с центром за приспособление государства к жизненным интересам всего его разнорационального населения, за устранение губительного национального гнета, для предупреждения неизбежного сепаратизма инородцев в случае, если центр и господствующая нация не откажутся от своей для них же пагубной гегемонии.

Все эти федералистические стремления окраин оказались Сизифовой работой. Центр и господствующие нации были глухи к доброжелательным предупреждениям своих инородцев. Даже в пожаре революции, когда все рушилось и падало, нации — патриции отстаивали свою гегемонию, квалифицируя политические требования плебейских наций, как измену революции, вымогательство, нож в спину революции и т. п.

Таким образом у инородцев не было иного выхода, кроме сепаратизма, при новом положении вещей единственно гарантирующего им свободу и полноту национального развития, стало быть, и самоопределения.

I.

Интересно, поэтому, будет ознакомиться, хотя бы и в общих чертах с той ролью, какую играли чехи в политической жизни Австро-Венгрии, с их героической борьбой за модернизацию этой двуликой империи в духе государственного федерализма и национального автономизма.

Как ни может это казаться парадоксальным, — передовые чешские политические деятели пытались найти смысл и обосновать *raison d'être* Австро-Венгрии — как государства. Мы имеем в виду замечательный трактат чешского историка Ф. Палацкого: идея австрийского государства (*Idea statu rákouského* 1865), — к которой придется нам еще специально вернуться немного ниже.

Палацкий вообще был последовательным поборником политического автономизма и федерализма, резко отрицая всякий государственный централизм и унитаризм. Поэтому он — горячий и восторженный славянофил — был против великой русской империи, считая весьма опасным ее империалистический рост при системе политического абсолютизма.

В своем историческом письме (от 11 апреля 1848 г.), адресованном председателю немецкого франкфуртского парламента, он писал по поводу территориальной экспансии царской империи — „каждый шаг, сделанный ею по этому пути вперед — чем дальше больше грозит опасностью создать и основать универсальную монархию, т. е. необозримое и невыразимое зло, несчастье без меры и края, о чем я, славянин телом и душой, с точки зрения общечеловеческого благополучия тем не менее должен бы был тяжело скорбеть, хотя бы эта монархия и заявляла себя славянской“...

В этом же знаменитом письме, имея в виду мирное сожительство под габсбургским скипетром всех народов, входивших в состав черно-желтой монархии, Палацкий написал свою крылатую фразу, которой так часто злоупотребляли противники его идеологии:

— „Конечно, если бы австрийское государство не существовало — уже давно, в интересах Европы, даже человечества, надо было бы стремиться к тому, чтобы оно возникло возможно скорее“...

Но Австро-Венгрия имела для Палацкого такой *raison d'être* лишь по столько, по сколько она хотела бы стать протектором народов, ее населяющих. Решение национального вопроса согласно принципу равноправия это — якорь спасения для черно-желтой монархии по выражению этого выдающегося чешского патриота. Он, конечно, хорошо понимал, что за дело это Австро-Венгрия должна бы была взяться явно и откровенно и совершить его с полною серьезностью; но — добавляет Палацкий, — тут каждая секунда дорога и пусть не медлят с этим более ни одного часа.

Исходною точкою идеологии автора монументальной истории чешского народа было равноправие наций, что он понимал следующим образом:

— „Право наций является настоящим правом природы, никакой народ не имеет права требовать, чтобы для его пользы его сосед принес себя в жертву; ни один народ не должен для благополучия своего соседа отречься от себя или пожертвовать собою. Природа не знает никаких господствующих или подчиненных народов“.

Национальному вопросу в габсбургской монархии Палацкий посвятил специальную статью: — О централизме и национальной равноправности в Австрии (*O centralizaci a národní rovnoprávnosti v Rakousku*), помещенную 21 декабря 1849 г. в органе известного чешского публициста — тоже федералиста и автономиста К. Гавличка Боровского: — „*Národní Noviny*“.

Чешский историк показал себя в этой статье хорошим социологом и особенно националогом, делая правильный прогноз национального возрождения тех австрийских народов, которые в то время пребывали еще в состоянии какого-то национального анабиоза. Для него было совершенно ясным, что через 20 или 30 лет положение вещей в этом отношении радикально изменится, с чем должен, понятно, считаться реальный политик.

Палацкий убедительно предостерегал перед бесцельным и пагубным торможением со стороны государства и господствующих наций национального возрождения обездоленных народов. Он не хотел бы, чтобы национальная борьба нашего времени вылилась в кровавых формах религиозных войн прошлых веков. Избегнуть же бесконечных кровопролитий на этой почве можно только принятием и последовательным осу-

Д-р С. Федоров.

Образование народа и казачество.

Наши противники часто делают замечания, что казачество не было и не есть самодовлеющим народом. Они говорят, что при первоначальном появлении Казачества на исторической сцене Московского, а немного позже и Литовско-польского государств, оно представляется в виде небольших, одиночных, неорганизованных групп и нигде не представляет из себя целостного, многочисленного и компактного народа. Малочисленность народа не есть еще доказательством его небытия.

В те времена (из описаний иностранных путешественников, посещавших Московское государство еще в XVI ст.) мы видим, что и сама Московия представляла из себя чрезвычайно слабо заселенный край, по которому можно было ехать целыми днями, не встречая ни жилища, ни живой души. Население было чрезвычайно редким, разбросанным небольшими группами, несмотря на то, что тамошние князья и цари, в течение нескольких столетий принимали всевозможные меры к колонизации края. Из за этого они вели постоянные войны с соседями, переселяя побежденное население в свои уделы; уничтожали иные уделы; переселяли в свои пределы поголовно население новгородской и псковской республик. В то время великорусская народность сама только-только начинала слагаться, а после падения татарского ига она имела пару спокойных столетий для окончательного своего сформирования.

В те же времена и казачество пребывало рассеянным, живя немногочисленными, но все же значительными, по роли их в летописной истории, общинами. Вообще, везде, в первой эпохе, на уровне культуры, присущей воинственным народам, общества, носящие характер примитивной государственности, складываются из небольшого числа членов, не больше нескольких десятков тысяч людей.

В стадии воинственного номадизма численность отдельных племен определяется наиболее 6-10 юртами (родами). Только те народы, которые владеют более обеспеченными средствами существования, соединяются в более многочисленные племена.

Каждая такая племенная группа обладает своим определенным духовным обликом — здесь раса психическая сливается с этнической группой, которая носит присущий ей местный дух, отличающий ее от родственных племен.

Этот родовид может сохраняться долгими веками. Даже среди цивилизованных народов Европы существуют, еще не слившиеся воедино, старинные пласты местного духа, с присущими для каждого из них духовным обликом и даже физическими чертами.

Например, среди украинских племенных групп, обитателей Карпат, лемки и гуцулы представляют из себя такое резкое этнографическое противоречие, что, кажется, кроме языка и религиозных обрядов у них нет ничего общего между собою. Разница между другими родоплеменными группами украинцев — тухольцами и бойками гораздо большая, чем между чехами и словаками (Крживицкий, „Психологические расы“), однако это не мешает им принадлежать к одному народу.

А наряду с тем, в духовном отношении, между заброшенными в горных тущобах воинственными гуцулами и нашими казаками есть чрезвычайно много общего.

По свидетельству донского казака, одного из почетных участников Великой войны, донцы чувствовали себя между гуцулами куда роднее, чем, скажем, в более близкой к ним Подолии.

Даже богатый архаизмами язык карпатских горцев был для них более понятным, чем язык левобережных днепровских украинцев. Донские казаки удивлялись, что так далеко, в горах, они нашли народ, по укладу своему почти такой же, как они сами. Там казаки чувствовали себя своими, а в то же время донец совершенно не считал „своим“ территориально и племенно близкого великоросса.

Другой авторитетный свидетель, профессор галичаннин, целиком допускал возможность такого духовного родства; в то же время он подтверждал сильное языковое различие, доходящее до взаимного непонимания, у украинско „русских“ племен, населяющих Карпаты и Прикарпатье. Тем не менее ни у кого никогда не возникало сомнений в их общей принадлежности к одному украинско — „русскому“ народу.

Раз мы имеем такой прецедент в наше время, то тем более он может быть применим к разбросанному отдельными общинами казачеству XV-го — XVII-го веков. Подтверждения казачьего народного единства того времени мы часто находим и в старинных песнях, сказаниях и документах.

Нужны особые условия, которые творили бы из отдельных местных групп более многочисленное племя-народ. У казачества они появились несколько позднее — в половине XVI ст.

В большой степени является интересным — каким образом из того разнообразного этнического элемента, который послужил материалом к формации Вольного Казачества, творилось и творится последнее, даже до наших дней. Каким образом, с течением времени, образовывается крепкая народно казачья масса? Каким образом творился казачий народ?

Нельзя отрицать вхождения в первоначальное казачество Запорожья, Дона и Кубани значительного количества украинско-русского элемента, так же как и постоянный прилив великороссийского в Войска степные, а отчасти в Запорожское и позднейшие Кавказские. Но тем не менее полное отождествление казачества с этими народностями — украинской и великороссийской, было бы в противоречии с историческими данными и с убеждениями самих казаков. В нашем казачестве имеется столь много своего специфического „национального“, так отделяющего его от остальной массы соплеменного люда.

Наблюдения над казачьей жизнью, бытом и психикой свидетельствуют нам о том, что чистокровный украинско-русский и великорусский этнический элемент при вхождении его в казачье общество „национально“ оказывался в продолжении одного — двух поколений.

И наоборот — оторванные от казачьего плеча казачьи общины сохраняют свои физические и духовные особенности, не смотря даже на столетние пребывания их среди чужого люда и в совсем отличных материальных условиях.

Подтверждают это нам и мелкие сибирские Войска и те потомки запорожцев и кубанских донцов (некрасовцев), которые более полутора века были в эмиграции и после революции 1917 г. возвращались в свои родные Войска. Свидетельствует об этом и тот быт, дух, обычаи, воспоминания, которые сохранились у разбросанных по Анатолии и Болгарии поселениях старых казачьих эмигрантов.

Тоже самое наблюдается и у того населения Черноморской и Ставропольской губерний, которое вследствие переименования в царское время казачьих станиц в селения, очутилось на „крестьянском положении“ отрезанным от Черноморского, Линейного и Кубанского Войск.

Население это до сих пор удерживает крепкую семейную и духовную связь с Кубанью и сохраняет казачьи обычаи, уклад жизни. До прихода большевиков оно свято сберегало в своих церквях старые казачьи полковые знамена, по просьбе населения оставленные им Правительством на „вечную память о подвигах и славе их предков“.

В революционный и послереволюционный периоды черноморцы и ставропольцы — б. казаки, не раз хлопотали о возвращении их в Кубанское Войско и о вхождении территорий этих губерний в казачий государственный союз, но военные обстоятельства и великодержавная российская политика постоянно мешали осуществлению их желания. В этом отношении и Деникин и эс-эр

Воронович, подвизавшийся на Черноморьи, действовали солидарно — не допустить возвращения к Кубани отрезанной у нее при царе Николае II территории.

Уничтожить казачество не так легко, как не легко и изжить в нем казачий дух.

Характерным явлением в образовании казачества, как народа, есть оказывание целых инородческих племенных групп и родов, целых селений, которое имело место на Дону, в Запорожье и на казачьих кавказских территориях.

Черноморцы вполне ассимилировали остатки черкесов, татар и других инородцев, вошедших в их Войско в конце XVIII-го начале XIX-го столетий. В Кубанском Войске мы имеем даже казаков евреев. В Терском — существуют целые станицы казаков-осетин, грузин, кабардинцев и других инородцев. Забайкальцы на-

считывают в своей среде массу бурят; наконец, Донское Войско дает поразительный пример оказаченья целого народа — калмыков.

Процесс этот проходит везде на казачьих территориях незаметно, безболезненно, ибо сущность казачества дает возможность иным племенам и народам приобщиться к духовно-казачьему миру, не ломая и не насилуя внутреннего своего „я“. Казачество не ставит своей задачей поглощение и ассимиляцию в „русском“ духе, так болезненную для каждого национального чувства; оно принимает в свою среду людей, оставляя им все то, что для них было дорого, как у народности.

Это есть тот естественный процесс, который постоянно проявляется на всем земном пространстве и который польско-австрийский ученый Гумплович образно назвал „амальгамизацией“.

П. Дидошин.

Донское казачество в конце 19 и начале 20 столетия.

“Слава казачья — жизнь собачья“.

Донская поговорка.

К концу 19 столетия экономический кризис в Донском казачестве достиг крайнего напряжения. При очень тяжелых предзнаменованиях Дон вступал и в новое, двадцатое столетие.

Положение было настолько угрожающим, что даже петербургские сферы, обыкновенно не признававшие никакого „казачьего вопроса“ принуждены были внять тревожному „крику о бедствии“, исходившему не только от местных (дворянских) общественных деятелей, но и от некоторых агентов власти. Начиная с 1881 г., следует целый ряд комиссий, работы которых определенно установили и определили и наличие экономического кризиса и неотложную нужду в коренном изменении протекавшейся на Дону социальной политики.

Осязательных последствий работы комиссии почти не имели. Кризис затягивался и грозил превратиться в настоящее бедствие.

Казаки искали выхода из тяжелого положения — кто как мог. Появилось стремление уходить в мещане; исконные земледельцы и скотоводы, — некоторые шли на шахты и фабрики, в города; иные переселялись в сибирские Войска и на Дальний Восток — на Уссури. Требование на охрану Китайской Вост. дороги в 1900 г. вызвало со стороны казачества массовое предложение услуг.

Нужно знать страстную привязанность казака к Родине, к своему укладу, к традициям, чтобы понять глубину той трагедии которая толкала казаков на разрыв со своим прошлым и на поиски новой жизни вне Родного Края и привычного быта.

„Кого Бог захочет наказать, у того отнимет разум“. Правда этого изречения особенно ярко сказалась в поразительной близорукости петербургских сфер и их агентов, Наказных Атаманов. Сама жизнь кричала о реформах. Местные люди, и совсем не из радикалов, а из консервативнейшего дворянского лагеря, обеспокоенные возможными последствиями переживаемого Доном кризиса, вопияли о необходимости пересмотра политики по казачьему вопросу, а слепые верхи отвечали на это новыми скорпионами и еще больше сжимали тиски, в которых билось нищенствующее казачество.

На требование реформ Наказный Атаман кн. Святополк-Мирский в конце восьмидесятых и начале девяностых годов ответил закрытием на Дону целого ряда гимназий и реальных училищ, свздав взамен них в каждой окружной станице военно-ремесленные школы, которые должны были обслуживать потребности казачьих воинских частей, выпуская военных кузнецов, оружейников, седельников, портных...

„Реформаторский акт Святополк-Мирского — явление не эпизодическое. Он диктовался тем взглядом на казачество, той политической тенденцией, которая хотела видеть в казаке только воина, замороженного в

формах навязанных правительственной практикой 19 столетия.

„Донцу нужны конь и пика, а пластуну (кубанцу) — пузо“. Этим афоризмом исчерпывающе определяется все содержание петербургской политики по казачьему вопросу. Верхи твердо были уверены, что казаку просвещения не нужно, ибо в „государственных“ целях это вредно. Никаких современных нововведений в технику хозяйства — земледелия, скотоводства, садоводства — также не надо, ибо это будит мысль и отвлекает казака от военных традиций в сторону мирного труда. По мнению „сфер“, назначение казака — скакать на лошади, ломать головы на джигитовке и поголовно идти на войну внешнюю и внутреннюю. Никаких присутствующих всем людям, общечеловеческих желаний и интересов не должно быть у казака: стремления к знанию, к культурной жизни, к благосостоянию, к семейному уюту.

Отсюда такие анекдотические решения: „Вы хотите дамбу, мост через реку — нельзя; плавайте на конях, на бурдюках. Это вам практика для войны“...

Существовал даже проект, выдвинутый чуть ли не „петербургскими казаками“ — создать „казака-лошадь“. Это будет почище той „развесистой клюквы“, которой характеризуется невежество иностранцев в отношении знания России...

Начало хозяйственного, а потом и бытового и психологического кризиса в Донском казачестве надо отнести к семидесятым годам.

Главным фактором обнищания не без основания считается система отбывания воинской повинности.

Как известно, все казаки, достигшие двадцать одного года, должны были служить в войсках.

Конечно, и до семидесятых годов все казаки отбывали воинскую повинность. Если принять большую продолжительность этой службы в то время, то нужно сказать, что и раньше эта система губительно отзывалась на казачьей экономике, ибо хозяйство в течение долгих лет отсутствия „служилого“, велось женщинами, стариками и детьми.

Но: 1) в прежнее время снаряжение казака на службу не требовало таких непосильных расходов, как в позднейшие годы, ибо лошади были значительно дешевле — в семидесятых годах можно было купить строевого коня за 40 руб. сторублевый конь — это была высшая оценка лошади, — обмундирование и конская сбруя делались домашним способом и вместе с холодным оружием переходили по наследству от деда и отца к сыну и внуку.

2) При достаточном количестве свободных, незанятых юртовых земель основой хозяйства служило скотоводство, при табунном способе требующее меньшей

затраты энергии, чем земледелие и более устойчивое в смысле влияния неурожая.

С семидесятых годов обстановка меняется. Расходы на воинское снаряжение казака увеличиваются, требования к предметам снаряжения и обмундирования и к воинскому составу повышаются. Появляется стремление приблизить казаки полки к типу регулярной кавалерии в смысле обмундирования, снаряжения и качества конского состава.

Наряду с этим земельный пай с увеличением населения уменьшается, табунное скотоводство, как база казачьего хозяйства, начинает уступать место земледелию. В конце семидесятых годов некоторые станицы приступают к разделу своих уртов на отдельные хозяйства, а в восьмидесятых годах это явление делается общим для всего Дона. Казачий пай, теоретически определявшийся в 35 десятин, фактически выразился в 15—20 десятинах. Увеличить надел из запасных земель или вывести на них излишки населения не представлялось возможным. Лучшие казацкие земли еще в прежние времена „за заслуги казачества“ были у него отобраны и розданы помещикам из донской старшины; другая часть тоже „за заслуги казачества“ была у него отобрана и поступила в собственность штаб и обер офицеров и чиновников. Огромное количество запасной земли (около 1½ миллиона десятин) еще не расхищенной, изъято центральным правительством из ведения Донских казаков и отдавалось в аренду под коневодство с платой по 3 коп. за десятину, с целью облуживания нужд русской кавалерии.

Примечательно, что ни одной строевой лошади (кроме брака) казаки не имели права приобрести в этих коннозаводах.

Переходный период восьмидесятых и девяностых годов особенно тяжело отозвался на казачьем хозяйстве.

Те времена, когда распахивалось земли столько, сколько определялось потребностями семьи (основой было скотоводство), когда использовалась земля на выбор, пахалась целина или жирные старые залежи, дававшие прекрасные урожаи, — эти времена прошли. При новых условиях выбрать землю уже было нельзя, надеяться на скот тоже не приходилось, ибо его количество ограничивалось потребностями замлельческого хозяйства. Под обработку пошло все подряд — и солонцы, и глинка, и чернозем. Давать отдых земле с каждым годом стало все труднее и труднее. В конце девяностых г. г. и в начале нынешнего столетия мы уже не видим залежей и вообще „гулящей“ земли. Все, и каждый год, идет под плуг и борону. Естественно, что при таких условиях земля быстро истощилась. Появились сорные травы, как напр., сизяк, сделавшие огромные пространства земли негодными ни для земледелия, ни для скотоводства. Урожаи стали редки и даже в особо хорошие годы ничтожны. В некоторых округах в самые „урожайные“ годы десятина давала не более 50 пуд. пшеницы. Это, говоря, редкие годы. Частенько урожаи не превышали 3—7 пуд. с дес. 20 пуд., — считалось уже „слава Богу“.

Хозяйство на Дону велось примитивно. И уж, конечно, не ремесленные школы типа кн. Святополк-Мирского могли внести в казачью среду знания, нужные для успешной агрикультуры и других видов сельского хозяйства.

Сильные семьи кое как справлялись с хозяйством, выигрывая на невероятной затрате трудовой энергии всеми ее членами.

Кто-то и когда-то пустил сказку, что „казаки ни ткнут, ни прядут — хорошо живут“.

Смеем верить, что такой бешеной работы, какая наблюдалась у казаков в страдное время покосов травы и уборки хлебов едва-ли где можно встретить. Спали не более четырех часов в сутки, затрачивая на работу „изо всей мочи“ около 20 часов. Нередки были случаи, когда во время молотбы, работали день и ночь (при фонарях) абсолютно без сна.

Расход на казачью воинскую справу к концу девяностых годов возрос до очень крупных размеров. Хозяйственным способом уже нельзя было снаряжать сына на службу. Заготовка обмундирования и снаряжения

донской администрацией была сдана особым комиссионером, наживавшим огромные деньги на этом беспроигрышном деле. Казак обязан был внести известную сумму и получать от комиссионера все нужное, до сухарной и чайной сумочек включительно.

Требования к конскому составу повысились и цены возросли настолько, что доходили до 500 руб. за лошадь — особенно в гвардейские части.

Годами, проведенными в полку, казачья военная служба не исчерпывалась. Начинаясь она с восемнадцатилетнего возраста, когда казак призывался в свою станицу и здесь, в течении некоего времени, под руководством инструкторов, проходил подготовительную военную школу. На девятнадцатом году присягал, потом снова призывался на подготовительные военные занятия. Затем отправлялся на майские лагерные сборы на один месяц, а выбранные в артиллерию — на 3 месяца. 21 года он шел в полк. Окончив полковую службу, перечислялся на 4 года во вторую очередь, затем на 4 года в третью и, наконец, на 4 года в запас. Таким образом, казак служил около 20 лет, начиная с 18-летнего возраста. При чем, состояние во 2 и 3 очередях для него совсем не было пустым звуком. Пожалуй, здесь то и начиналась настоящая трагедия.

Казаки женились рано, — обязательно в 18 лет, что вызывалось отчасти соображениями морального характера, отчасти хозяйственной необходимостью. Состоя во второй очереди, казак имел уже несколько детей. Обычно, вскоре же по приходе из полка, если в семье — было несколько сынов, его выделяли. В зависимости от достатков семьи, отделяющийся получал пару волов, редко две. В большинстве случаев забирал жену, детей и коня и уходил создавать свой собственный угол и хозяйство. Нужна была особо интенсивная работа и у себя и по найму у людей, нужно было уметь изворачиваться, чтобы, при этих условиях, создать хозяйство.

К тому же, казак был не свободен: он был прикреплен к своей станице и не имел права отлучиться на отхожий промысел, будучи обязан службой во 2 и 3 очереди. Лошадь, обмундирование и снаряжение должны были поддерживаться в полной исправности и готовности к мобилизации. Несколько раз в году необходимо было являться на проверочные смотры особых военных комиссий, иногда за несколько десятков верст, да еще в горячую рабочую пору, когда „день кормит год“.

„Предрержащее“ начальство, как я уже сказал выше, полагало, что казаку чуждо все, что свойственно человеку вообще, что он должен жить только мыслью о войне и заниматься только подготовкой к ней. Хозяйство, семья — пустой звук. И поэтому с второочередного казака требовалось, чтобы он являлся на смотр в такой же исправности, как и в полку. Плохо содержится конь, нечищенное седло, изъяны в обмундировании и пр., все это влекло за собою арест до одного месяца в чужой станице, часто в горячую пору. Нужно помнить, что иногда все тягло казачье составлял его конь, который в этих случаях нес такой же каторжный труд, как и его хозяин.

Трудно, при этих условиях, сохранить коня в том виде, как это угодно начальству. Если конь был не пригоден к работе по хозяйству, переменить его нельзя было, и он тяжелым бременем ложился на семью. В случае убыли коня по каким либо причинам, казак обязан был приобрести другого, годного к строю. Словом, создавался заколдованный круг, из которого иных выводила только могила.

Помимо смотров, на май месяц второочередные казаки должны были собираться ежегодно в лагерь, иногда за сотню верст от дома, что сопряжено было и с большими расходами и с потерей времени в период степных покосов. В девяностых годах такие-же требования предъявлялись и к казакам третьей очереди, т. е. к таким, которые должны были подумывать о подготовке своих сынов к военной службе.

Повторяю, что земельный пай прогрессивно уменьшался, качество земли падало, падали и урожаи.

В начале нынешнего столетия в некоторых стани-

цах земельный пай исчислялся в 5 десятин. Арендная плата иногда доходила до 3-5 руб. за пай.

Как же казаки выходили из этого положения, как же они справлялись с военной службой?

В предреволюционное время во многих станицах, во всех по крайней мере, которые я наблюдал, зажиточных семейств, бывших в состоянии вынести такую военную тяготу, насчитывалось не более 25%. Это — семейства, обрабатывавшие от 50 до 150 десятин земли, которую они арендовали у казаков, бросивших земледелие. 25%—35% семейств снаряжали сынов с чрезмерным напряжением, частично занимая средства в ссудо-сберегательных кассах и у частных лиц. 40%—45% — это люди, которые или сами или еще их отцы будучи раз подорваны в хозяйственном отношении, отошли от земли, не имея тягла, а следовательно и возможности обрабатывать свои пайки. Фактически это — чужие батраки.

Казаки из таких семейств снаряжались за общественный счет, в кредит, с обязательством впоследствии этот долг погасить.

Как известно, на земельной пай имел право каждый казак, достигший 17-летнего возраста*). В мало-мощных семействах такие „выростки“ местной властью брались на учет. Пай у них отбирался и сдавался в аренду станичным правлением. Деньги поступали в станичную кассу на предмет будущей sprawy на службу. Часто отбирался пай и у отца. В таких случаях семья оставалась совершенно без надела.

В девяностых годах на Дону был распространен чрезвычайно любопытный способ приобретения средств на справу бедных казаков — принудительный наем хозяйственно-мало-мощных в батраки; при чем заработная плата, конечно, поступала в станичную кассу.

Встречались нередко случаи найма с публичного торга. На известный день назначался аукцион, и казаки (можно ли их так называть?) шли с молотка, как бывало в давнопрошедшие времена с африканскими неграми на американских рынках или с славянами на рынках турецких.

Высшая власть об этом знала и молчаливо поощряла.

Пробовали некоторые жаловаться и платились как „бунтовщики“ и „заговорщики“... Их ссылали административным порядком в отдаленные станицы сроком до 2 лет. Такого сорта административное „воспитание“ казачества особенно пышно расцвело с легкой руки Наказного Атамана Святополк-Мирского. В низовых станицах этот акт, между прочим, определялся специальными глаголами — „забуканить“, „запроваторить“, ибо „виновных“ почему то высылали в станицы Буковскую и Проваторовскую Сев. Донских округов.

Разумеется, арендой пайков отца и сына, при той незначительной ценности земли, которая существовала в некоторых донских округах, покрыть многосотенный долг казака за военную справу было нельзя. Поэтному взыскание обращалось на имущество. Продавали хату, амбар, коров, сад и пр., что у кого было. Фактически такие лица не могли называться казаками, ибо одним из главных признаков казачества является его право на земельный пай, а иные были лишены этого пая до самой смерти.

Приведу живой пример. Одним из станичных обществ мне было поручено произвести поверку задолженности в несколько десятков тысяч руб. числившейся за гражданами станицы. Разбираясь в делах, я натолкнулся на целый ряд случаев указанного выше типа. Вот один из них. Казак Т. должен 150 руб. Ему 35 лет. Паек отобран с 18-летнего возраста; абсолютно, кроме

*) Лица женского пола, за некоторыми, очень редкими исключениями, были лишены этого права.

жены, с ним не живущей, ничего не имеет. Работает батраком у зажиточных хозяев. Объяснил, что деньги все уплочены. Документы у отца. С дальнего хутора вызываю старика. Ему под 60 лет. Скромное, тишайшее существо. Показал целый сшив квитанций и расписок, из коих выяснилось, что долг действительно уже уплочен. Ни он, ни сын пайками не пользуются, ибо за ними состоит и из года в год переходит долг в 150 руб. Было когда то 2 пары волов, коровы, овцы, амбар, хата — все продали. Дочери пошли в работницы. Старик с женой приютились около добрых людей. Долг накопился таким образом. Сыну отец сам купил коня при снаряжении в полк. Атаман рассердился, что покупка произведена без его ведома (доходная статья некоторых атаманов) и настоял, чтобы комиссия коня забраковала. Второго купил сам атаман, за общественный счет. Этого комиссия забраковала на сборном пункте при выходе на службу. Пришлось купить третьего. И все-таки долг был уже погашен, но деньги попадали в чьи то карманы. Жаловался по начальству — и был сослан в Буковскую станицу на 2 года.

Нужно было видеть, какое гнетущее впечатление производила на казаков такая политика, чтобы понять, какое страшное дело творили г.г. Наказные Атаманы и какую яму они рыли тому „режиму“, которому служили.

Бороться против злоупотреблений, даже просто заявлять о своих нуждах казаки были лишены возможности, так как не имели соответственных выборных органов. Войсковые Н. Атаманы, равно как и Начальники Штабов, назначались центральной властью исключительно из неказаков, казачества не знали, с гражданской жизнью, будучи строевыми генералами, вообще не были знакомы, к казачеству относились с предубеждением. Сверху шли директивы, прилагаемые к оккупированным областям...

Станичным сборам были подведомственны хозяйственные дела да и то в тесных рамках, ибо каждый приговор должен был идти на утверждение начальства.

Станичные Атаманы хотя и выбирались обществом, но фактически являлись агентами власти, ибо самые выборы были обставлены так, что пройти в Атаманы могли только лица, угодные власти. Общество должно было избрать трех кандидатов, из коих начальство волюно было утвердить любого; могло и забракковать всех трех. Казаки при выборах принимали это в соображение и выбирали таких, какие имели все шансы быть угодными власти. Наконец, каждую минуту станичный Атаман мог быть уволен высшей властью без объяснения причин.

Словом, продавали с „аукциона“, „запроваторивали“ и заставляли еще и петь:

Веселитесь, храбрые казаки,
Честью, славой — славою своей...

И пели, чтобы не быть „запроваторенными“, а то и „засибиренными“, что тоже бывало.

Пролетаризация казачества проводилась чрезвычайно успешно и едва ли злейший враг „режима“ мог придумать более действительные меры к тому, чтобы вселить в казачьи души отрицательное отношение к существующей власти.

И действительно, к 1905 году почва к восприятию крайних политических течений среди казачества была разработана усердно и талантливо. Мобилизованные на „бунты“ казаки вернулись домой с взглядами, которые были далеко не в пользу существующего порядка вещей. При этих условиях, достойно удивления, что казачество в борьбе с большевиками проявило такую поразительную стойкость и государственный смысл. — Это нужно отнести за счет многовекового политического опыта и тех традиций, которые сохранились в его душе, как наследие прежних, лучших дней.

Рукописи, присылаемые в редакцию, должны быть четко написаны на одной стороне листа.

Вл. Куртин.

К а з а ч к а.

... А я песни тебе петь не буду, —
Я словами тебе расскажу...

И все же рассказывает не словами, а песней. Красноречивее это у нее выходит, удивительнее.

Не вижу я казачки вот уже несколько долгих лет. Последнюю, которую видел, мы вынесли из тифозного барака и закопали около Синя.

И это было уже давно. За гробом шла небольшая кучка нас, кубанцев, угрюмых, неразговорчивых.

— Хай легенькою буде тобі чужа змяля! — прошептал один старый казак. Бросил на гроб ком земли. Заплакал. Кряхтели и терли кулаками глаза и мы.

— Мамо, мамо! — плакали дети умершей. А было их четверо, — все мал мала меньше.

— Мамо... Та як же це так? За що?..

Эх, малый мой Васюк, кто-ж сможет тебе ответить, за что твою маму схоронили так далеко от родной Березанки? Но ты это и сам узнаешь. У тебя еще будет время. И сам расскажешь приютившим тебя братьям сербам, что ушли мы (твоя мать и еще много, много матерей-казачек) только потому, что мы казаки, ушли потому же, почему уходили із рідного краю і наші діди: о т н е п р а в д ы московской. Хоть к турку... Бо

... Він, турок, хоч невірний,

А все ж правду маэ...

— Слышал я в детстве песню:

... Кабы дали бы мне ворона коня,
Я бы вольная казачка была!..

Старая эта песня. Кто создал ее? Сама ли казачка, хотевшая на вороном коне „скакать и плясать“ вместе с казаками по широкой степи потому что ей, вольной, надоело, быть может возиться с горшками, иль не казачка, мечтавшая стать „вольной казачкой“, как только сядет на ворона коня?..

По пословице: сыч останется сычом — и в трубе и на колокольне! — Вольной Казачкой нельзя сделаться, ею нужно родиться. Где, у какого народа в старое суровое время женщина пользовалась большей свободой, чем у казаков? Даже и здесь, за границей, и то лишь в наши дни женщина начала бороться за признание ее равноправной с мужчиною. Нашей женщине нечего было добиваться. Испокон веков была она с мужчиною на равной ноге: Вольная!

Сама о себе она никогда не говорит иначе. Вольная, а не просто казачка. Как вольный и сам казак. Не беда, что жизнь ее была не легка. Часто — сплошная жертва. Да жертва то это была — вольная. Мать с рабскою душой не может воспитать борца за свободу. Казачка подневольная не могла воспитать казака. И отсюда ее духовный аристократизм, отсюда ее гордое:

Я — вольная казачка!

Совершенно нетронутой, не растроченной пронесла она через века свою великую любовь ко всему, что казачье, ко всему, что вольно, красиво, победно... И в черные дни большевицкого нашествия, когда даже среди ее сынов и братьев находились „колеблющиеся“, ни на один миг не поступилась она своим:

Я — вольная казачка!

Кто хотя один раз имел случай наблюдать, какой ненавистью горели глаза казачек при виде вступающих в станицу большевиков, тот должен признать, что в большевиках она видела нечто настолько противоположное казачеству, что ни о каком примирении с ними, тем более подчинении им не могло быть и речи. В „большевиках“ она видела и всех местных иногородних, и вчерашних социалистов и тех, что в 1905 году с царскими портретами и иконами ходили. И все они для нее были — русские. И мудрено-ли, что большевик и русский — стали синонимами.

Помню, в самом начале нашей борьбы с большевиками, моя мать поколебала во мне веру в успех борьбы и в закрепление за нами Конституции, единогласно принятой Краевою Радою. Увидела она как то

в проезжавшей сотне между черкесками и несколько солдатских шенелей. Угрюмо спрашивает меня:

— Это вы зачем же казаков с солдатами перемешали?

— Так это же добровольцы! — удивленный ее вопросом отвечаю я.

— Кто ж они, добровольцы-то?

— Русские.

— Да воюете-то вы с кем?

— С большевиками.

Старуха совсем рассердилась.

— Да большевики-то кто, рази не русские?

Начал я было объяснять ей, что это такое большевицкая партия, а что другие, и почему нам нужно идти вместе с этими другими.

— До куда?.. до каких пор? — оборвала меня мать. Чем же эти, другие, лучше-то? Разве не подкапывались они под казаков? Добра нам желали? Комитеты-то разве из большевиков были?.. а что делали?..

Не прошло много времени. Заскочил я как-то домой. А она мне:

— Ну что ж, сынок, началось?

— Что?

— Алексей-то Иванович!.. Заплакала. Любила старуха покойного. Частым гостем в доме бывал, когда еще отцом Алексеем звался...

Еще не так давно казачки в нашей станице носили синие, расшитые золотыми галунами бешметы, подпоясывались широкими, ткаными золотом и серебром поясами, на плечи накидывали персидские шали, на ногах мягкие башмачки с завернутыми вверх носками...

Будто вижу их сейчас перед собою. Вижу, как на масляной неделе, когда все, от мала до велика, на улице и когда почти вся молодежь обоего пола на конях — в рядах по четыре и по восемь, — проезжают они по „Красной“ улице и поют под бубен:

Гуляй, гуляй, молода:

Степь привольна, широка...

А там, где-нибудь в сторонке, чтоб не смяли джигиты, сидят в кружку бабы и серьезно выводят:

... Приказал Бакланов...

Или

... Подуй, подуй ветерочек

С глубокого яру, —

Приди, приди, мой миленький

С далекого краю...

А вот, на площади, образовали огромный хоровод. „Казачки“, т. е. жены, чьи мужья на службе, покачиваясь в такт песне, поют, в песне высказывают думы свои:

... Наши мужья — они во походе...

Или

... Да ни жалала бы я больше счастья —

Сизы крылышки себе...

А тут, из побочной улицы, выскочила толпа конных ряженных. Стреляют из ружей и револьверов, хохочут, орут...

... Ой, що ж це за шум учинився, —

Що комарик та й на мусі оженився...

И прут прямо на хоровод. Визг, крики, смех. И где девки, где парни — кто ж разберет! И девки, как и казачата, могут, встав на седле, вихрем нестись по широкой улице...

И вижу я их, вернее слышу (кто же может видеть их в садах и виноградниках, что покрыли правый, высокий берег Кубани и всю гору), слышу, как по-над всей Кубанью разливается их песня. Песня — то широкая, бесконечная, как и сама степь прикубанская, то грустно-трогательная, как заводь кубанская, что стыдливо прикрывалась ветвями и шепчет что-то корявому, подмытому водою дубу.

Станица населена частью донскими (нижнечирскими), частью запорожскими казаками. За полтора века язык одних и других смешался, но песни сохранились чистыми, хотя и являются таким же общим достоянием, как и язык разговорный.

Вот с горы, покрытой целым лесом черешень и абрикос, слышится надрывной, щемящий дует:

... Почему ж ты, мой сад,
Так не рясно цветешь,
Осыпаешься?
Ты куда, милый мой,
Убираешься?..

В эту песню из нижних садов врывается громкое, молодое:

... По двору ходила,
Коника водила...

А откуда-то, с „вышки“, время от времени четкий алыт докидывает:

... Ска-за-ла я девочка,
Что я замуж не пойду...

Здесь же, совсем вблизи, будто горленка плачет, надывается:

Счастливая тебе путь-дорожка...
А я, млада, дома остаюся...

У Кубани, поставив ведра, побросав коромысла и баклаги, под хлопанье ладонями поют, приплясывая, дівчата:

... Я прошедшую неделю
Не брала в руки куделю...

Тяжко согрешила —
Молодого козаченька
Крепко полюбила...

А поодаль от них сидят две девушки-невесты, прислонились друг к дружке чернокосыми головами и просят, благодать:

... Козаче, соколе,
Візми мене с собою...

Их казак еще дома. Еще только собирается в путь-поход. А вот, Бог знает из какого сада, слышится, что желает казачка, к которой уж не вернется казак с далекого края:

... Ды снялась бы я, подетела
Где мой милый лежит убит...
Да все бы я косточки его собрала...

И вся эта многоголосая, многогранная песня, ове-

вающая Кубань, отражает безграничную любовь казачки к своему казаку (казачеству), ее преданность установившемуся укладу жизни, ее вольный дух, ее равноправие с мужчиной.

Разве это случайность, что казачек-большевичек не было, что они никогда не произносили слово „товарищ“, что они инстинктивно уже в первых „гражданских“ комитетах усмотрели подкоп под казачество и так едко высмеивали комитетчиков?

А когда велась борьба, когда станицы буквально засыпались всевозможнейшими требованиями Добрармии, казачки, и по требованиям и без них, выносили все. До останньої спідниці — на бинты. Далеко не единичны случаи, когда казачка билась с большевиками в рядах войска.

К концу борьбы, когда победоносный клич неделимцев „На Москву!“ сменился насмешливым

Убегай на Кубань, пока целенький...

и когда, за нелюбезный прием матушек рязанских, курских, орловских и т. д. и т. д., обвиняли не ее — единонеделимую Матушку, а казаков, называя их „изменниками“, — в одной из ростовских газет некий кубанец подсчитал, что дала на „войну за Россию“ станица и что дал богатейший, русский по населению, Ростов (не говоря уже о других городах и весях земли Российской), — то сравнение получилось очень и очень невыгодное для великороссийского самолюбия. Станица дала не только больше, она дала все!

А можно-ли обойти молчанием нашу Голгофу, наш крестный путь к Черноморскому побережью... И здесь казачка безропотно переносила невероятные душевные и физические страдания, а когда нужно было, умела и умереть...

И если мы ошиблись, если мы не смогли отстоять себя и Родину (и от врагов, и от „друзей“), мы знаем, что наши жены, наши матери и сестры не отягощали нашего положения своим плачем. Напротив, мы знаем, что они проклинали малодушных, придавали веры колеблющимся.

И если нам, під московським караулом, нудять білим світом наши верные помощницы, мы знаем, что оживут они, что и под Красною Москвою сохранят они смысл и красоту казачьей жизни, что у них нельзя убить их гордого:

Я — Вольная Казачка!

Шамба Балинов.

Положение калмычки в семье и обществе в прошлом и ее судьба в последнее десятилетие.

(Окончание)*).

Черное море положило предел одному виду страдания калмычки. За ним началось страдание другого порядка: чужбина, тяжелые материальные лишения, мучительная тоска по оставленным „там“ родным и детям.

По злой иронии судьбы калмычка становится политической эмигранткой. Как иногда судьба может зло подшутить! Калмычка — политическая эмигрантка, ищущая прибежище в чужом государстве и калмычка — коммунистка, проповедующая раскрепощение женщин всего мира — злые шутки судьбы, курьезное недоразумение современности.

Как бы то ни было, но значительная группа женщин-калмычек очутилась в эмиграции, где с национальной точки зрения сыграла и продолжает играть замечательную роль.

Она здесь явилась той связующей и скрепляющей силой, которая сдерживала от весьма возможного безудержного распыления мужчин по лицу земли, способствовала сохранению на чужбине своих некоторых национальных особенностей.

Правда, и среди них оказались, как исключение, как уродливое явление, женщины, которые, подражая

европейкам, легко и быстро отказывались от всего калмыцкого. Но такие „революционные“ составляют буквально единицы. В основной же своей массе калмычка осталась тою же неприхотливой, выносливой, доброй души женщиной, выполнявшей и выполняющей большую национальную миссию. Они поистине есть безыменные героини, молча делающие свое прекрасное дело.

Трудно сказать, что случилось бы с мужчинами-калмыками, если не было бы среди них этих безыменных героинь-женщин. Имеется один разительный пример, позволяющий предположительно угадывать — по какому направлению пошли бы мужчины.

В 1921 году из Константинополя была отправлена во Францию группа учеников-калмыков для поступления в школу. Теперь о них никто ничего не знает. Они-же, ученики, теперь достаточно „окультурившиеся“ в столице мира, всячески избегают встреч со своими сородичами, а при случайной встрече с ними, торпливо скрываются, — они ужасно стыдятся своего калмыцкого происхождения.

Но, слава Богу, этого не случилось с остальными калмыками-эмигрантами. И этому мы обязаны во многом нашим женщинам. К ней, как бабочки к свету

*) См. № 9 журнала.

лампы, стремились все одиночные мужчины, около нее грелись, находили душевный отдых, облегчали свои муки, рассеивали грусть-тоску...

Тут, конечно, не имели места мотивы романтического характера, хотя, правда, отдельные женщины, в силу сложившихся обстоятельств и под влиянием местных условий жизни, сравнительно легче, безразличнее стали смотреть на свои интимные отношения с мужчинами. Но такие составляют буквально единицы. Во всяком случае не было и нет ни одной калмычки, сделавшей это „дело“ своим ремеслом. А соблазнов, причин и возможностей для этого было больше, чем достаточно.

Нет, в основе этой тяги к ней лежали совершенно другие мотивы: потребность видеть то, что своим образом живо напоминало бы Родину, что своей добротой облегчало бы горе. Она здесь являлась той доброй матерью, которая при всех своих несчастьях думает и печется о своих детях.

В каждом беженском лагере, возле каждой женщины образовывались своеобразные „артели“ из родных и знакомых ей одиночных мужчин. Тут она являлась поистине душой „артели“: она готовила всем пищу, обмывала, обшивала всех; разнесет зимний ветер ветхую палатку — она же „подлечит“ и снова на голые крыша.

Кроме обслуживания своей „артели“, у нее везде и всегда находятся другие работы: одинокие мужчины из русского беженского лагеря приносят то белье постирать, то подлатать, перешить брюки, френч, рубаху и проч. Она неизменно и безотказно берет и аккуратно выполняет все приносимые ей работы. При этом она никогда не просит и не назначает цены за работу, а всегда молча ограничивается тем, что даст бедный, оборванный „воин“ — эмигрант.

И все, что она зарабатывает, идет на улучшение своего „артельного“ котла, служит подспорьем скудного французского пайка. Калмычка всегда смиренно примиряется с тем, что есть; она от души радуется, когда ей удается оказать ту или иную помощь людям, когда удается приветливым обращением, материнской лаской хоть на время рассеять раз'едающую душу тоску, порождаемую бессмысленным, бездельным сидением в отвратительных лагерях.

Скромность и простота органической частью лежат в ее природе. „Ты не лепечешь по французски, ты шелком не сжимаешь ног“ — сказал когда-то поэт о ней. Все же, какая огромная разница между калмычкой времен гениального русского поэта и современной! Теперь она и лепечет по французски и шелком сжимает ноги...

Пришел конец и лагерной жизни беженцев. Мужчины-калмычки стали поступать на службу в английский обоз, что сравнительно улучшило их материальное положение, дав возможность им оказывать помощь своим женщинам в благодарность за их доброту, за то, что так умело облегчали им вынужденное лагерное

сидение и дали возможность сравнительно легко пережить самый тяжелый период чужбины.

Миновал период хронического недоедания оставшихся в лагерях мужчин, ибо все поступившие на службу, по патриархальному обычаю, почитали своим нравственным долгом помогать всем собратям, не попавшим на службу. Положительно можно сказать, что не было ни одного калмыка, который не получал бы периодически от служащего в обозе своего собрата значительной по тому времени помощи.

Этим только и объясняется то, что в тяжелый период Константинопольской жизни, впадших в крайнюю нищету калмыков почти не было. Тут бессознательно, по старой традиции, осуществлялся принцип: „все за одного, один за всех“.

Затем началось окончательное распыление лагерей, расселение по разным странам. И калмычки устремились в эти страны. И здесь женщины играли и играют значительную роль, очень часто являясь главным материальным подспорьем своей семьи. Дело в том, что, в силу повсеместной безработицы, не всегда и не везде мужчины могли находить себе работу, особенно в первое время, вследствие чего многие семьи могли очутиться в безвыходно-тяжелом положении. Тут и оказались незаменимой услугой женщины.

Выше уже было сказано, что каждая калмычка, хорошо-ли, плохо-ли, умеет шить почти все предметы одежды. Вот это их умение и сослужило им хорошую службу. Это относится, главным образом к калмыкам, живущим в Сербии и Болгарии. В этих славянских странах женщины-калмычки почти постоянно находят сносно оплачиваемую работу-шитье то в правительственных учреждениях (Интендантства), то в Красном Кресте, то у частных лиц. Иногда сами закупают материалы, шьют кожаные куртки, брюки, рубашки, из кусков старой одежды шьют домашние туфли и все это сбывают на базаре и сносно зарабатывают...

Таким образом, женщина во многих случаях является главной материальной опорой своей семьи, а все остальные члены семьи становятся на положение ее помощников: один шьет петли, другой сбывает на базаре, третий орудует по кухонной части и т. д.

Иные мужчины, даже при наличии работы, предпочитают помогать женам в шитье, ибо это иногда бывает выгоднее. Как раньше в лагерях, так и теперь возле каждой семьи собираются несколько мужчин и живут „артельной“ жизнью.

Везде и всюду калмычка своей кротостью, обходительностью, одним своим видом служит живым напоминанием о прошлом калмыков. Вот почему все к ней тянутся, все около нее собираются.

Восьмой уж год продолжается это тяжелое испытание судьбы. Как было бы тяжело без этих женщин-страдалиц мужчинам-калмыкам и что могло бы напоминать им свое родное, калмыцкое?..

■■■■■■■■■■

Международная жизнь.

Дипломатические комбинации. Покушение на итальянского короля. Коммунистический заговор в Японии.

Всеобщее внимание европейских политических кругов вызывает усиленная активность, проявленная Италией в международных отношениях. Последний месяц можно назвать месяцем свиданий Муссолини с министрами иностранных и иных дел различных европейских, а частью и не европейских государств. В Риме побывали министры: германский, турецкий, венгерский, румынский, греческий и, наконец, польский. Особый характер носило свидание Муссолини с гр. Бетленом, венгерским премьер-министром: гр. Бетлен приехал в Италию инкогнито и Муссолини специально для него выехал навстречу в условленное место. Это последнее свидание дало повод венгерским газетам говорить о проекте нового блока государств из Италии, Венгрии,

Болгарии, Турции, Греции, Албании и Польши. Свидание итальянского диктатора с румынским министром иностранных дел поколебало эти утверждения, но поездка в Рим польского министра возобновила их в новой комбинации, на этот раз в чешской прессе. Дело, будто-бы, идет о новом континентальном блоке государств из Франции, Италии, Бельгии, Польши и Румынии. Задачей предположенного блока должно было бы служить, с одной стороны, быть оплотом против возможных агрессивных выступлений Германии, а с другой — против панславистской деятельности России, все равно какой, большевицкой или той, которая станет на ее место в будущем.

Слухи об этих проектируемых комбинациях вызвали в некоторой части Европы известную тревогу, но

наибольшее впечатление они произвели в Москве. Советская пресса и советские политики уверены, что это уже не проекты, а подлинная действительность и что за всеми этими комбинациями стоит Англия, вдохновительница всех анти-большевицких выступлений. Англия, де, готовит новую интервенцию, целью которой должен быть отрыв от СССР. всех его южных частей, начиная от Украины и кончая Туркестаном. С суши, мол, поведут наступление Польша, Румыния и Венгрия, с моря — Италия, и т. д. Большевики настолько верят своим собственным словам, что их дипломаты проявили даже политическую инициативу создавши новую дипломатическую комбинацию, которая должна, по их мнению, парализовать „английскую интригу“. Для этой цели, немцы, как сообщают берлинские газеты, по соглашению с Советами, начали переговоры с Югославией, стремясь создать новый блок государств из Германии, СССР, Югославии и Турции. Блок этот должен способствовать обеспечению *Status quo* на востоке Европы, противодействовать влияниям Англии и Италии, и т. д. Но главную и немедленную прибыль от этого предполагаемого блока Советы видят в том, что ради его создания Югославия должна была бы признать *de jure* СССР. и большевики получили бы таким образом новое место для приложения своих сил на Балканах.

Сколько правды в первой дипломатической комбинации, так сильно испугавшей большевиков, сказать сейчас трудно, — это выяснят события. Что-же касается второй, то она уже, как кажется, похоронена. По крайней мере, одна из немецких газет сообщила, что начатые по этому поводу переговоры с югославянским посланником в Берлине, прекращены этим последним по прямому приказанию югославянского правительства, не желающего иметь что-либо общее с Советами.

12-го апреля в Милане произведено было покушение на итальянского короля Виктора Эммануила III, прибывшего из Рима на торжественное открытие миланской ярмарки. Покушение было произведено при помощи адской машины, помещенной внутри металлического электрического фонаря. Так как программа торжеств и проезда короля были заранее расписаны по минутам, то покушавшиеся надеялись, что взрыв произойдет как раз в тот момент, когда мимо фонаря будет проезжать автомобиль короля. Короля спасло то обстоятельство, что его отъезд, по случайной причине, задержался на несколько минут. Жертвами взрыва стало много людей: до сих пор насчитывают 23 убитых,

40 тяжело раненых и неопределенное количество легко раненых, официально не зарегистрированных. И все это, почти исключительно, солдаты, женщины и дети, стоявшие на площади в ожидании королевского кортежа. С редким самообладанием итальянский король открыл ярмарку по программе, отменив из нее лишь спектакль — гала в знаменитом миланском театре *Scala*. Негодование, вызванное в стране этим покушением, очень велико. Лишь хладнокровие самого короля и распорядительность Муссолини дали возможность сохранить в городах порядок и приостановить эксцессы по адресу предполагаемых виновников покушения. Для обнаружения истинных авторов этого акта приняты самые строгие меры. Пока они еще не открыты, или официальное сообщение в целях судебного следствия молчит об этом. Однако последние сообщения французских газет говорят о том, что покушение на популярного короля совершено группой анархистов, связанных организационно и финансово с Москвой и III Интернационалом. Подробности, конечно, не замедлят быть обнаружены.

В Японии обнаружен огромный коммунистический заговор, направленный против японского императора и для ниспровержения существующего в Японии государственного строя. Произведены аресты по всей стране, причем число арестованных превысило тысячу человек, из которых 450 уже передано в руки судебных властей. По сообщениям прессы, заговор создан вскоре после того, как в Японии появились специальные агенты из Москвы, высколенные на московских агитаторских курсах. Существование заговора, раскинувшего свои сети на все японские острова, стало известным властям из бумаг, найденных при арестованных советских курьерах, прибывших из СССР. В дело, кроме курьеров, замешаны и некоторые низшие дипломатические и торговые представители Советов и Японии. Японский посол в Москве сделал поэтому резкое представление Советскому правительству, которое таким образом еще раз имело случай сказать заранее заготовленную лживую фразу о том, что между Совнаркомом и III интернационалом нет ничего общего. Фразе этой некоторое время в Европе верили; в Японии, как кажется, этому не верили никогда. Дело это обратило особое внимание потому, что Япония, вместе с Германией, были последними государствами, которые не были враждебно настроены против СССР, ибо имели некоторые выгоды от связей с Советами.

К ликвидации вопроса об „исторических документах“.

Тадеуш Рудицкий (конечно, и не Тадеуш, и не Рудицкий), — причисленный к генеральному штабу Войска Донского войсковой старшина Ф. Е. Рудаков (и не причисленный к Войску Донскому, и ни к генеральному штабу, и не войсковой старшина, и не Ф. Е. Рудаков) — из казаков Пластунской станицы Кубанского Войска Федор Ильич Руденко (и не из казаков, и не ст. Пластунской, и не Федор Ильич Руденко), — так кто же?

И в Константинополе, и в Праге, и в Варшаве сей известно-неизвестный муж фигурировал под одним из вышеуказанных имен.

Конечно, авантюрист!

Очень характерно, что за эту „темную“ (?) историю особенно ухватился „Путь Казачества“, а через его посредничество и „Дни“.

Не причастны ли они сами к этой „истории“?

Думы и мысли казацьи.

Из Белграда.

Старые офицеры, прочитавши письмо ген. Деникина, были в полном недоумении. Генерал Деникин пишет в С. С. С. Р. офицеру Красной армии. Говорит, что на них только надежда, что они должны спасти Россию. Что их борьба против Белых армий в красных штабах, выходит, была правильной и логичной. За что-же дрались с такими колоссальными жертвами два с половиной года добровольцы и казаки?

Казакам должно быть это обиднее всего. Ведь они принесли на алтарь Родины все свое достоинство, свои

земли, своих детей. Что-же выходит, что одновременно Белые Вожди не поняли, за что они гнали народ и офицеров в бойню междоусобной войны. Так пусть же недавние „Главковерхи“ и „Политики с государственным чутьем“ отходят с позиции борьбы с армией III интернационала, тем яснее выступает идея Казачья, тем яснее становится, что казаки боролись и должны были бороться только за свою станицу, за свой Край. В Париже на собрании казаков 12 февраля Д. Е. Скобцов сказал: Идею борьбы с насилем мы превозглашаем здесь как идею казачью. Где же насилие и в чем и за что „борьба“. Лозунги Добармии переданы, оказывает-

ся, по наследству Красной армии, которая одна может защитить интересы России. Мы не с Красной армией. Ведь мы боролись с Красной армией. Значит, нам надо было бороться с Добровольческой армией. Кто-же друг, кто-же враг. Как разобраться?

И те и другие идут за удушение казачества. Кругом враги и им же несть числа. Только последняя спайка, только львиное мужество и вера в Освобождение и в Воскресение наших Краев, и готовность пожертвовать всем заставляет поднять нас Сине-желто-красный флаг. Было время когда сербы бросали в огонь зажженных домов своих детей, было время когда и у нас пел Ф. Крюков: „За честь отчины, за Казачье имя“. Были жертвы страшные, стынет кровь от воспоминаний пережитого казаками и калмыками. Все жертвы были напрасны. Цель „Москва“ была, как оказывается, неправильной. Потеряли мы горы и степи, но мы же их и завоюем. А в этом помогут нам и брошенные там казаки и те, здесь, у кого Казачество всегда было дороже всего.

Прием последнего номера „Пути Казачества“.

Внимание казаков останавливает заметка „В Париже“, а в ней следующие фразы: „Во время доклада Мельникова произошел инцидент, напомнивший ярко и характерно недавние отношения между добровольческими генералами и Казачеством. Известный генерал Кутепов, приглашенный как гость на это собрание, во время выступления Мельникова встал, вышел из залы и больше не вернулся. Присутствовавшими на собрании казаками это было воспринято как демонстрация. Это напомнило то недавнее время, когда генералы „выходили“, звеня шпорами, из Кубанской Рады, как это сделал генерал Лукомский. Теперь шпор на них нет, демонстрация их никого не устрашает, пусть себе отводят душу“.

После этого всего спрашивается, что же „Путь Казачества“ восстает против нас за нашу борьбу за Честь Казачью, за Казачье имя. Сейчас на это смотрят с точки зрения „пусть отводят душу“. Это самое и больно слышать для казака. А раньше, когда лилась казачья кровь что-же и раньше они „отводили душу“: хватали, вешали и распоряжались нами... на наших то хлебах. И это „лучшие генералы“ российские, боровшиеся с большевизмом.

Оставляя в стороне казаков, еще верящих в возможность процветания и преуспеяния Казачьих областей под водительством российской интеллигенции из „демократии“, поощряющей сейчас сладкие песни, мы спрашиваем: где же казачья гордость, где же те люди, защищавшие свои Края в „годину смутную паденья духа“ и долго ли будет продолжаться казачье терпение к подобному рода „демонстрациям“. На Кубани ведь они

проходили веселей, за ними следовали приказы и два столба с перекладиной. „Путь Казачества“ становится не „Путем“, а полным „Бездорожьем“, не указывающим грани „Казачьего Присуда“ и дорогом домой, а сбивающим с толку наши казачьи головы и ведущим к новым жертвам, к новому историческому закреплению и обезличиванию Казачества.

Вторая заметка доклад в городе Брно.

Приводим выдержку. Попытки „красновцев“ и представителей „Вольного Казачества“, трогательно объединившихся в чувстве неприязни к русской демократии, помешать успеху лекции, давали обратные результаты. Доклад делал В. А. Харламов. Нам приятно было услышать о том, что красновцы выступили, может и невольно на защиту казачьего достоинства. Ходить в русский демократический Союз и в нем расписываться о Казачьих идеалах совершенно напрасная и ненужная вещь, да и однажды казаки всех казачьих Войск расписались на Московском Съезде, в августе Революционного года. За преданность Временному правительству казаки получили телеграмму Премьер министра о выдаче „предателя“ А. М. Каледина.

Не этот ли „демос“ сейчас заполнил казачьи Земли? Не этот ли „демос“ гнал нас до Черноморского побережья и не этот ли „демос“ стрелял в казачьи спины? И к представителям этого народа враждебного к казакам — „захватчикам лучших земель“, ходил на поклон В. А. Харламов. Казаки в нашей степи давно перестали быть идеалистами и „онучи“, трущие казачьи шеи, давно опротивели и стали ненавистными. Горе нам, горе, „лучшие“ из нас помогают задавить проявление духа Вольного Казачества и, „трогательно объединяясь“, сами может того не замечая, предают казаков на позор и смерть.

Из Белграда.

В „Пути Казачества“ сидят большие юмористы. На обложке три казака: Донец, Кубанец и Терец скачут в Москву. Мы все в большом недоумении. Неужели же еще раз придется до Кремлевских стен пробираться? Кому как, а мы охоты, после совершенных „походов“, не имеем и очень редакции удивляемся. Надо бы хоть раз о себе подумать, а потом уж и до других может быть дойдет черед. Казакам из „Беспутицы“ следовало бы помнить: Возлюби ближнего своего, как самого себя, а „дальний“ пусть сам о себе побеспокоится.

Владимир Мельников (писатель и поэт) по всей вероятности с Хутора Темного, — ему все „темные истории“ все равно, как родное болото. Не следует забывать, что у Вольных Казаков достаточно смелости и духа за все ответить и в своих действиях быть не только честными казаками, но и открыто говорить всем о Свободном Казачестве.

Казачья эмиграция.

Из жизни казаков в Югославии.

На страницах „В. К.“ уже была освещена В. Глазковым грустная обстановка, в которой находятся Казачьи Учебные заведения в эмиграции и ученики — казачата.

Останавливая еще раз внимание казаков на этом прискорбном факте, мы хотим прибавить некоторые подробности о Донском кадетском корпусе. Из письма, полученного несколько дней тому назад, особенно бросается в глаза такая фраза:

— У нас идет непримиримая вражда. Причем мы разделились на две группы: на казаков и на Российских националистов. Еще с Дона воспитанники Донского корпуса вынесли казачью традицию — созыв Круга и выборы Кадетского Атамана, еще с Дона они привыкли видеть в каждом младшем товарище, без различия национальности (я говорю о калмыках) казака и человека, и никогда не прибегали к системе, так охотно проводимой в Российских, сословиях дворянского,

корпусах, а именно к системе „Цука“, унижающего достоинство и делающего младшего по отношению к старшему, в порядке унижительной дисциплины, „бессловесным зверем“.

Единственно чего еще не отобрали у Донских кадет это их народоправческую традицию.

Давно сняты и лампасы и папахи, и давно г. директор и большинство офицеров хлопают в ладоши Национальному Всевеликому Войска Донского Гимну.

Усилиями вновь поступивших, чуждых казачьему духу детей и юношей, создавался в течении двух с половиною лет антагонизм в кадетской семье, и вот теперь дошло до того, что корпусное начальство вынуждено было вызвать из города военную силу, не надеясь справиться с имеющим глубокие корни недоразумением. Занятия остановились.

Что бы выступление казаков не было истолковано как бунт, казаки первые пошли в классы и сохранили порядок.

Эта подчеркнутая сознательность молодых казаков многое должна, наконец, сказать людям, на протяжении пяти лет восстававшим против того, чем жила и живет казацья молодежь.

С. С—а.

Доброжелатели.

В осаде Rašín, Obce Vepřova, появился некий Василий Соловьев и стал выдавать себя за казака. Придя в гостиницу, держал себя вызывающе, кричал, стучал по столам и, обращаясь к чехам, говорил: „Эх вы, чехи, не умеете жить, знаете только работать и больше ничего, вот мы, казаки, жили, никогда не работали — сядешь на коней, поедешь, награтишь, что хочешь, а вернемся домой — поем, веселимся, пока все кончим, а там снова за добычей... вот как мы жили.“

Слава о казаках разнеслась по округу.

В этом районе жили казаки: прослышав о появившемся храбром казаке, они в ближайшее воскресенье решили навестить его, сговорившись выдавать себя за неказак.

В числе 6-ти человек — Милованова, Еремина, Фролова, Автономова, Рябова и Мульганова пришли к нему, говоря, что мы хотя и не казаки, но пришли к вам познакомиться как со своим русским.

Он же отвечает: „я то же не казак, но такую ту славу делаю казакам, что они будут помнить“...

Закипела кровь казацкая и взялись они его расказывать, да так отходили, что он неделю не выходил из квартиры, а по выздоровлении куда то исчез.

Так создают казакам славу, но... и так защищают казацью честь.

Очевидец.

Чикаго.

В Чикаго одним из донцов (ветеринарным фельдшером) была прочитана лекция „Россия и Казаки“. После лекции была дискуссия. На лекции были русские анархисты, которые заявили о том, что в Свободной России Казачества быть не должно, ибо казаки враги народа и слуги Царей. Одно возражение какого-то лабинца поставило анархистов в тупик и дискуссия была окончена. Некоторые казаки крикнули анархистам: Стройте свою Россию, а мы будем думать о Казачестве. Проживем и без России. Это крикнули из кучки Донцов. Казаков тут в Чикаго можно собрать с полсотни, но все разбросаны и загнаны на фабриках. Есть и казаки-анархисты. Вообще же тут в русской колонии анархизм моден. Не признают никого, никакой власти, чему учат и своих детей. Вот наша жизнь и обстановка.

(Из письма из Америки).

Среди калмыков.

Недавно вышел второй номер „Улан Залат“ — журнала Калмыцкой Комиссии Культурных работников в Праге. Журнал внешне хорошо издан и довольно солидный по объему. Несомненным достоинством его является еще и то, что он напечатан на языках калмыцком и русском. Вопрос о естественности и целесообразности пользоваться родным языком не может вызвать в наше время ни у кого сомнения. Работа Культурной Комиссии, направленная к разработке калмыцкого языка и обогащению калмыцкой письменности достойна самой лучшей похвалы. Редакционная статья, озаглавленная „Монгольский Ученый Комитет“ подробно знакомит нас с той напряженной культурной работой, которая ведется ныне в независимой Монголии во имя ее возрождения.

Отрадно слышать что монгольский язык и монгольская литература возрождаются, ибо развитие монгольского языка безусловно будет способствовать обогащению нашего языка, который происходит с ним от одного общего корня. Мы, калмыки, хотя и являемся в этнографическом отношении западной ветвью одного монгольского народа, но в течении последних трехсот лет жили в других условиях и под иными влияниями, чем монголы, живущие в Азии, и эта продолжительная обособленность наложила на нас свои неизгладимые черты и особенности, отличные от черт и особенностей, присущих теперешним монголам.

Тем не менее установившаяся связь с некоторыми видными деятелями современной Монголии имеет свое положительное значение. Помимо выше перечисленных достоинств, журнал имеет и свои крупные недостатки, обойти молчанием которые считаю невозможным. Чтобы не быть неправильно истолкованным, хочу оговориться. Мое критическое отношение к некоторым статьям, помещенным в этом номере ни в коем случае не может быть понято, как критика всей деятельности Культ. Комиссии, членом которой я состою, и вообще направление работы которой разделяю. Невыгодная сторона журнала, по моему мнению, состоит в том, что он, несмотря на свой большой объем (69 печ. страниц), весь заполнен статьями и материалом очень ограниченного количества авторов. Это обстоятельство может произвести на непосвященного читателя впечатление в том смысле, что среди калмыков очень мало лиц способных сотрудничать в печатном органе. Правда, мы не можем в этом отношении особенно похвалиться, хотя в действительности пишущих калмыков значительно больше, чем это представлено на страницах разбираемого номера журнала. Редакция журнала, несомненно, упустила хороший случай показать богатство настроений и возможностей калмыцкой эмиграции.

Из-за недостатка места, я ограничусь только разбором статьи г-на Баянова „Россия и Калм. Народ“, которая, по моему мнению, является вредной для интересов калмыцкого дела. Статья эта построена на предположении, что большевики рано или поздно сойдут со сцены, а власть, которая придет им на смену, обязана будет привлечь все живые силы страны к строительству государственной жизни и что в этой почетной и ответственной работе калмыки имеют право принять деятельное участие, т. к. за ними числятся колоссальные исторические заслуги перед отечеством. По мнению автора, исторические заслуги калмыков перед отечеством состояли в усмирении беспокойных окраин (напр. подавление Некрасово-Булавинского бунта), истреблении населения вновь присоединяемых к России земель (уничтожение сотни тысяч кубанских татар в 18 веке) и в обогащении русского хозяйства лошадьми необыкновенной силы и выносливости и красным рогатым скотом мирового значения.

В эмиграции стало общим местом убеждение, что послебольшевицкая Россия будет демократической. Насколько мне известно, г-н Баянов тоже разделяет это убеждение.

Но, коль скоро Россия станет страной демократической, а калмыки останутся в ее составе, то нет места тревоге за возможное участие в государственной жизни калмыков, т. к. новое правительство вынуждено будет привлечь всю активную и творчески-деятельную часть населения к созидательной работе. Правда, этот подбор произойдет не по линии „исторических заслуг“, как это рисуется г-ну Баянову, а по признаку подготовленности и трудоспособности. В этом отношении непомерно старание г-на Баянова, не останавливающееся даже перед искажением фактов (3 вершковая лошадь и красный рогатый скот мирового значения), доказать исторические заслуги калмыков является совершенно неуместным. Если доводы г-на Баянова, направленные к защите права калмыка на полноправное участие в государственной жизни России не отвечают логике, то эти доводы с точки зрения солидарности в отстаивании национально-бытовых особенностей нашего народа с остальными малыми народами, населяющими разные окраины России, — являются отрицательными. Калмыцкий народ в масштабе Всероссийском настолько интеллектуально и экономически слаб и количественно незначителен, что о каком либо его самостоятельном выступлении и роли серьезно говорить не приходится. Нам, калмыкам, одним очень трудно и непосильно бороться против захватнических стремлений русского народа, освященных временем и проверенных опытом. В деле защиты политических и государственных прав и отстаивании культурно-национальных особенностей, как и хозяйственного своего уклада против посягательства русского крестьянина мы должны будем искать сильных и верных союзников. Таким союзником до сего времени у нас было и есть Юго-Восточное Казачество. В инте-

ресак большего успеха этот союз в будущем должен быть усилен нашими двоюродными братьями — горцами и остальными народами Северного Кавказа. С этой точки зрения статья „Россия и Калмыцкий народ“ является по меньшей мере необдуманной и нетактичной потому, что она способна больше оттолкнуть наших естественных союзников, чем их расположить и приблизить к нам.

В заключение следует сказать: слов нет, пользы много от писаний, но чтобы польза приносимая печатным словом стала действительно общественной, в широком значении этого слова, необходимо соблюдать два условия:

1-ое, честное обращение с фактами; 2-ое, решительное воздержание от неуместных самовосхвалений. Автор статьи „Россия и кал. народ“ в этом отношении грешит и много.

Э. Бурульдушов.

На Украине.

В городах и деревнях.

Если следить за украинским движением даже только по враждебной ему русской эмигрантской и Советской прессе, то вся Украина сейчас дает картину встревоженного улья. Непокойно в городах, еще более неспокойно в селе.

Так, по сообщению „Пуля“, начальник особого отдела ГПУ Украины доносит в Москву о появлении во многих округах Украины крестьянских „диверсионных банд“. Банды эти снабжены большим количеством оружия и боевых припасов. ГПУ объясняет их появление интригами „соседних с СССР иностранных государств, которые стремятся использовать существующее среди крестьян Украины известное недовольство последними экономическими мероприятиями советской власти и внести смуту в государство рабочих и крестьян“. Эти повстанческие отряды производят постоянные нападения и налеты на органы советской власти, на спящие пункты и на железнодорожные станции. Ими произведено много убийств коммунистов и советских чиновников. Борьба с ними очень трудна, так как их поддерживает все крестьянство. Передвижение они совершают на подводах. В плен не сдаются. Более крупные отряды замечены в округах: Винницком, Гайсинском, Корсунском, Черкасском и Мелитопольском. Является опасность, что с наступлением теплого времени повстанческое движение перебросится на другие бесплодные округа Украины. Донесение заканчивается

ХРОНИКА

— Донской казачий хор имени Атамана Платова 24 с. мес. отбыл на ряд концертов в Германию.

Во время пребывания в г. Праге хор принял участие в празднестве „Славянской весны“. Выступление хора увенчалось громадным успехом.

— В Загребе, в 5 часов дня 27 марта с. г. застрелился Полковник Донского Войска Александр Васильевич Нефедов, казак станицы Новочеркасской. Пуля прошла мозг и разбила череп. Выстрел был дан в висок.

— Белград. На Собрании Донской станицы, собранном не Станичным Атаманом, а гражданином станицы Н. Д. Дувакиным, были незаконные перевыборы. Стараниями Н. Д. Дувакина прошел в Атаманы его сторонник В. Орлов. Атаман станицы Орехов донес рапортом Донскому Атаману о том, что он не сдаст станичных дел, а также станичной печати впредь до его (В. Атамана) распоряжения.

просьбой о присылке надежных воин. част. из Москвы.

Встревоженная Москва сделала больше. Она позаботилась не только о деревнях, а и о городах. Специально прибывшая из Москвы комиссия ГПУ произвела массовые аресты, о части которых было уже сообщено в „Вольн. Казач.“ На этот раз пострадала главным образом Левобережная Украина. В центральную тюрьму ГПУ в Харькове доставлено свыше 200 человек; кроме того, две большие партии арестованных в Харькове и Кременчуге отправлены в провинциальные тюрьмы. Арестованные принадлежат к различным классам украинского населения, но особенно много их выпало на долю красной армии. Одновременно с Украиной произведены были аресты в Минске и Бобруйске, так как большевики предполагают, что между украинским и белорусским движением существует организационная связь. Арестованные красноармейцы помещены в Полтавской тюрьме, и для их допроса выехала специальная военная комиссия. По распоряжению из Москвы приняты для прекращения движения чрезвычайные меры. Харьковский университет, как неблагонадежный поставлен под особый надзор ГПУ, вся интеллигенция тоже. В Харьков, Полтаву и Кременчуг прибыли специальные отряды ГПУ, а стоявший на Левобережье 17-ый Советский полк, по составу украинский, экстренно перевезен в Смоленск. Часть арестованных, согласно приказаниям из центра, перевезена в Москву. Всем им вменяется в вину стремление к отделению Украины от СССР.

В Казачьих Землях.

Как распространяют „Заем укрепления Сель. Хозяйства“.

„Вечером ст. Убеженская была разбита на кварталы, и одного крестьянина за другим начали вытаскивать из хат. Ночная жуть подкралась к саманным домикам, серым плетням и голым садам станичников. Огни исчезли. Только в Сельсовете, в далекой комнатке, в конюшнях, мигал и таял свечной огрызок и за столом сидел с наганом уполномоченный Андрусов.“

В этот вечер милиционер Чепурной, уполномочен. Андрусов, два батрака комсомольца Петров и Савченко исполняли энергично директивы, превратив конюшню сельсовета в застенок.

Крестьянина Оспинцева били в четыре приема, с промежутками для отдыха.

Во время избияния спрашивали:

— Будешь брать облигации?

— Не посилю, — кричал на полу старик.

— Бя-я-ри!

Станичнику Клименко крутили руки. Когда шайка увидела, что зажиточного Бабкина, одетого в шубу, побои „не пронимают“, его раздели: пригнули за хоботок к полу. Старика Пастухова ставили к стенке и

из нагана целились в висок. Били всех по голове, и каблукми по животу и по ребрам.

Осиповича били так же долго, как и всех. Затем на шею надели петлю и душили. Когда не помогла петля, на шею надевали лестницу и опять душили. Старика ставили к стенке и сзади из нагана мимо уха стреляли в стену.

И все время в этой темной мрачной конюшне ревел хриплый бас Чепурного:

— Бя-я-ри!

— Не посилю...

Некоторые не выдерживали, подписывали обязательство на покупку облигации и затем шли продавать быков, коров и лошадей“.

(„Молот“, 2005).

Вл. Астров.

Культурные развлечения.

Изба-читальня.

Хотя другой избы-читальни в станице Дондуковской нет, но она все же именуется „центральной“. Разве только потому, что эта самая изба-читальня является центром, где сосредотачивается станичная липкая грязь. Когда входящий в избу хлебобор из другой станицы

падает на пороге, обросшем толстым липким слоем грязи, дондуковцы равнодушно замечают: — Это, дядя, без привычки. Мы вот не падаем.

В избе-читальне к тому же страшный холод. Еще в феврале сельсовет решил, что для избы-читальни наступила весна и перестал отпускать дрова и деньги.

По смете избе-читальне полагается на культурные нужды 35 руб. в месяц. Но с октября месяца она и этих культурных денег не получает.

Избач безнадежно разводит руками:

— Кружку для питья воды не на что купить, а не то что газеты выписывать.

Радио не работает — требуется незначительный ремонт, а средств нет. Но ведь средства в сельсовете есть. Работники РИК'а заявляют, что Сельсовет богатый. Чем же объясняется такое отношение Сельсовета к культурному учреждению? — Головоотяпством.

(„Молот“, 2000).

А. Борецкий.

Единственное культурное развлечение — танцульки.

В баре деткомиссии танцы.

Десятка три-четыре крымских молодых ребят и девушек, поднимая ногами пыль с грязного деревянного пола, под звуки гармошки и ругань пьяных, отплясывают „вальсы“, „венгерки“ и польки-кокетки“.

В ст. Крымской это одно из „культурных“ развлечений. Крымская — большая, богатая казачья станица. Учреждений, призванных обслуживать культурные запросы населения, достаточно, но работают они плохо и потому такие „культурные развлечения“ захватывают всю станичную молодежь.

На окраине, которая носит поэтическое название „Прицепиловка“, есть изба-читальня и красный уголок, но работы почти нет. В красном уголке иногда собираются женщины, а в избе-читальне кое когда читают лекции агрономы. Настоящей нужной, живой работы нет. И инициативы нет.

(„Молот“).

Поговорил и умолк.

В декабре 1927 года в избе-читальне Божедуховской станицы был установлен громкоговоритель. В течение двух первых недель изба-читальня каждый вечер была битком набита хлеборобами.

Но через две недели громкоговоритель вдруг умолк.

Недавно организовавшийся кружок радио-любителей вскоре распался. Работа избы-читальни стала постепенно замирать.

(„Молот“).

Библиография о казачестве.

9. Переписка между Россией и Польшей в государственное царя Федора Иоанновича. (ibid. 1861 кн. I) Относительно выгод соединения Москвы и Польши. Дипломатическая переписка при дальнейших царях до Романовых.

О казаках волжских, донских, яицких и терских в договоре бояр и князей о приглашении королевича Владислава на московский престол.

10. Мнение генерал-аншефа графа Румянцева-Задунайского о скупке казачьих имений о свободных посполитых и о живущих в подданстве казаках, как им ныне быть и впредь оставаться. (ibid. кн. II).

Чрезвычайно интересная записка, богатая материалами.

11. Записки Имп. Одесского общества истории древностей. Том XIV. Одесса 1886 (Н. Музей. Прага. 77 А 17). В нем:

Подлинные записки флотского капитана Ильи Ивановича Ханькова о донской экспедиции. Азов. 1771.

О Доне, казаках и атамане С. Д. Ефремове.

Дела касающиеся запорожцев с 1715-1774 г.

Описание о происшедшем в Сечи Запорожской выборы в Кошевые Атаманы в 1749 г.

Донесение кошевого атамана Григория Федорова 21 янв. 1755 г.

Столкновение запорожцев с командой крепости св. Елизаветы. 4 апр. 1762.

Дело о тумях, 1747 г.

12. Следствие о Емельяне Иванове Пугачеве. (Н. Муз. Прага. 77. В. 5. 1859 кн. III.).

13. Русские народные былины. (ibid.)

О Донском казаке Илье Муромце.

О женитьбе Ивана Грозного на черкешенке и приданом ее — семьсот донских казаков.

Про князя Голицина и казаков.

Про кн. Стреловского и казаков.

Выбор атамана и есаула.

Про Казань.

Про Пугачева.

Про доброго молодца у перевоза через Дон.

14. Паралипоменон Зонара. (ibid. 1847 г. № 1)

О „Русях Евксинопонтских иже и Кумани“ (половцы), нападавших на Цареград предках казачества.

15. Пословицы русского народа. (ibid. 1862 кн. I) Много пословиц о казаках.

16. Церковно историческое исследование о древней области Вятичей, входивших с начала XV в. до конца XVIII в. состав Крутицкой и частью Суздальской Епархии. (ibid. 1862 кн. II).

Митрополит Крутицкий носил раньше титул Сарайского и Подонского. Говорится о епархии Золотой Орды, в которую входил и Дон.

17. ibidem кн. III. О К. Э. Калайдовиче и лейб-гвар. поручике Сухорукове, донском историке.

18. Галицкая Русь в XVI ст. (ibid.). О вождах запорожцев.

19. Рассказ записанный со слов одного из участников в Пугачевском бунте. (ibid.)

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ

журнала „Вольное Казачество — Вильне Козацтво“

В ЮГОСЛАВИИ:

ПАВЕЛ ПОЛЯКОВ. Студеничка, 17, Белград.

Розничная продажа журнала:

В Париже: Jacques Povolozky et Cie, Editeurs. 13, Rue Bonaparte, Paris VI.

В Праге: Чешско-русско-украинский книжный магазин F. Svoboda, Václavské nám., 57.

В магазине имеются русские и украинские книги заграничных и советских изданий.

Открыта подписка
на двухнедельный журнал литературный и политический

„Вольное Казачество“

„Вільне Козацтво“

Условия подписки:	на 3 мес.	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	18 кр.	35 кр.	60 кр.
В Польше	4,5 зл.	8 зл.	15 зл.
В Югославии	25 дин.	40 дин.	80 дин.
В Болгарии	50 лева	80 лева	150 лев.
Во Франции	15 фр.	25 фр.	40 фр.
В других странах	75 ам. ц.	1 ¹ / ₂ ам. д.	3 ам. д.

КОНТОРА: Praha - Žižkov, Jagellonská 24, Tchécoslovaquie.

Цена отдельного № в розничной продаже:

В Ч. С. Р.	3 кр.	В Болгарии	10 лева
В Польше	0,75 зл.	Во Франции	2 фр. 50с.
В Югославии	5 дин.	В других странах	15 ам. ц.

СЛАВЯНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

при

knihtiskárně

FRANTIŠEK VONKA

Praha-Smíchov, Duškova u. č. 11. Tel. 405-2-1 Tchécoslovaquie.

Всякого рода типографские работы

выполняются дешево и аккуратно

на всех славянских языках.